Задонский Паломник

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 67 2009 год

Альманах издается по благословению Его Преосвященства Преосвященнейшего Никона, епископа Липецкого и Елецкого

Выходит с декабря 2000 г.

Учредитель:
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь Липецко-Елецкой епархии Русской Православной Церкви

Адрес редакции:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.
Телефон: (47471) 2-49-55

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство:
ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

СОДЕРЖАНИЕ:

2 **РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОСЛАНИЯ**

5 **ПУСТЬ БУДЕТ НАШЕ СЕРДЦЕ ЯСЛЯМИ ХРИСТОВЫМИ**
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

7 **НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Келейные письма. Письмо первое

8 **ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ**
Избранные главы

10 **О ДУХОВНОЙ СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ**
Митрополит Питирим (Нечаев)

12 **ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ**
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

16 **ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ**
Из бесед с кавказским пустынником
«Иисусова молитва как покаянное делание», ч. 1

19 **ИСТОРИЯ ИОАННО-КАЗАНСКОГО СЕЗЕНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ**, ч. 5

21 **СВЯЩЕННИК-ХИРУРГ**
Жизнеописание иеросхимонаха Нектария (Овчинникова), ч. 2

27 **ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА**
Рассказ. Архимандрит Тихон (Агриков)

31 **НИКОЛА ЗИМНИЙ**
Рассказ. Архимандрит Павел (Груздев)

32 **ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ**

Рождественское послание

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Слава в вышних Богу, в Вифлееме слышу
от безплотных днесь, на земли мир благоволившему быти.

Стихира на литии в праздник Рождества Христова

Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, честное пресвитерство, во Христе диаконство, боголюбивый монашеский чин, дорогие братья и сестры — верные чада церковные!

Вновь слышим мы ликующую ангельскую песнь: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение!»* (Лк. 2, 14). Церковь встречает на земле Предвечного Бога, Который, родившись в Вифлееме от Приснодевы, стал Человеком. По слову Евангелия, Его Пришествие несет людям, живущим на земле, вышний мир. Исполняется пророчество Псалмопевца: *«Господь крепость людем Своим даст, Господь благословит люди Своя миром»* (Пс. 28, 11).

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, — говорит Спаситель, — *не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается»* (Ин. 14, 27). Мир, подаваемый Богом и в Нем воплощенный, истребляет греховные страсти и мирские треволнения. Этот мир ничего общего не имеет с житейской самоуспокоенностью, замыкающей душу человеческую в рамках земных интересов, — он возносит ее к премирному Царству Божию, причаститься которому уже здесь, на земле, может каждый истинный христианин. Святитель Василий Великий называл подаваемый Богом мир «совершеннейшим из благословений», а преподобный Серафим Саровский оставил нам поистине золотые, небесного свойства слова: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся».

Воплотившийся Бог Слово принес мир всем, кто верует в Него и следует за Ним, взяв крест свой. Но почему же вокруг нас по-прежнему столько конфликтов, распрей, ссор и обид? Почему сохраняется вражда между поколениями, политическими группами, богатыми и бедными? Почему расстаются родители, заставляя страдать детей? Почему народы, даже православные, восстают друг на друга?

Мы не сможем прямо и честно ответить на этот вопрос, если не заглянем в глубину собственных сердец: не слишком ли часто мы живем по своей воле, забывая о воле Божией и Его заповедях, полагаемся лишь на человеческие силы, забывая о силе Божией? Не подменяем ли стремление к миру и правде греховной суетой, которая приводит лишь к разочаровывающей пустоте?

Будем же помнить, дорогие мои, что истинный мир дается только Господом. Только шествуя вослед Вифлеемской звезде по пути Христову, мы обретем благоденственную и мирную жизнь на земле и вечный мир в Его Небесном Царствии.

Будем помнить о том, что мир Христов побеждает вражду века сего, что, только стяжав этот мир в сердце своем, человек может устоять во всех житейских бурях и нести примирение ближним и дальним, преображая жизнь верой, правдой, чистотой и любовью. Да объемлет собою мир Христов всех нас — Его учеников и последователей, людей разных возрастов, национальностей, политических взглядов и социальных слоев. Пусть он простирается и на людей иных вер и убеждений, с которыми мы созидаем народную жизнь.

В мире снова неспокойно. Во многих местах льется кровь, страдают люди. Но мы веруем, что Господь поможет нам, православным христианам, своим добрым примером и действием побудить народы к примирению, к мудрому и справедливому разрешению всех споров и разногласий.

Возлюбленные архипастыри, дорогие отцы, братья и сестры! По молитвам Пресвятой Богородицы и всех святых Господь ведет Церковь по пути спасения. Благодаря многим и многим трудам вашим в истекшем году Он

хранил народ Свой непреоборимым и *«ежедневно прилагал спасаемых к Церкви»* (Деян. 2, 47). С помощью Божией совершалось и мое Патриаршее служение. Пастыреначальник Христос укреплял мои силы в молитвенном Ему предстоянии, даровал радость живого общения со многими из вас, умудрял в беседах с власть имущими, с представителями разных стран и народов.

В июне 2008 года в Москве прошел Освященный Архиерейский Собор, который прославил как общецерковных святых ряд почитаемых народом угодников Божиих, развил социальное учение нашей Церкви и принял решения по многим насущным вопросам ее жизни. Мы совершили празднование 1020-летия Крещения Руси, во время которого Господь сподобил меня посетить древний Киев — колыбель нашей Церкви и одну из ее духовных столиц. При большом стечении верующих мы молились у киевских святынь, вновь ощутив крепкое единство народов, крещенных в одной купели. Это единство, заповеданное нам святыми предками, нужно бережно хранить и передавать потомкам.

В прошедшем году исполнилось 90 лет со дня злодейского убиения царственных страстотерпцев. В дни их памяти десятки тысяч верующих, прибыв на место страданий святых страстотерпцев, просили их о помощи нашему народу в его духовном возрождении, в исправлении его исторических путей. Будем тверды в надежде на то, что Господь сподобит нас преодолеть все последствия трагедий, распрей и преступлений XX века, возводя Святую Русь от силы в силу.

Дай Бог, чтобы исполнились на ней слова святителя Шанхайского и Сан-Францисского Иоанна, сказанные в грозном 1938 году: «Блаженна ты, Земля Русская, очищаемая огнем страдания! Прошла ты воду крещения, проходишь ныне через огонь страдания, внидешь и ты в покой».

Всех вас, дорогие мои, сердечно поздравляю с праздником Рождества Господа нашего и Спасителя! Родившийся в Вифлееме Богочеловек Христос да благословит всех нас в наступающем новом году миром, здравием и успехом во всяком добром деле! Да принесет Он в наши дома, в наши страны, города и веси радость жить в согласии, любви и правде Его. В этот священный праздник обращаю к вам слова святого апостола Павла: *«Братия, радуйтесь, усовершайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, — и Бог любви и мира будет с вами»* (2 Кор. 13, 11). Аминь.

АЛЕКСИЙ
Патриарх Московский и всея Руси
Рождество Христово 2008/2009 года
г. Москва

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ

ЕПИСКОПА ЛИПЕЦКОГО И ЕЛЕЦКОГО НИКОНА

Спал Вифлеем, забывший про дела,
И только пастухи стада пасли.
В ту ночь Мария Сына родила —
Дитя, похожее на всех детей земли.

Книга «Православные праздники»

Возлюбленные о Господе боголюбивые пастыри, честные иноки и инокини, благочестивые миряне! *«Благодать и мир вам да умножится в познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего»* (Пет. 1, 2). С сердечной радостью поздравляю всех вас с великим праздником Рождества Христова и Новолетием!

В эти святые дни мы вновь молитвенно переживаем величайшее событие человеческой истории. Сегодня Превечный Бог стал «Отроча младо» — Младенцем, рождаемым от Девы. *«Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Ем-*

мануил» (Ис. 7, 14). Возрадуемся, ибо на земле совершилось великое Таинство Боговоплощения — в мир вошел Сотворивший его Бог Слово, чтобы разрушить преграду между тварью и Творцом, положенную грехопадением, и даровать обновленному человечеству вечную жизнь и радость Богообщения. Разуму не постичь это чудо, мы лишь верою и любовью принимаем его.

Сегодня праздник Божественного смирения. «Безпредельный, неприступный и несозданный Бог... как бы умалился в неприступной славе, чтобы можно Ему было войти в единение с видимыми Своими тварями... и возмогли они быть причастными жизни Божества» (преподобный Макарий Египетский). «Будучи Единородным Богом, Он благоволил ради нас сделаться человеком и был *послушлив даже до смерти* (Флп. 2, 7-8). Чтобы избавить нас от вечной смерти, носил *зрак раба»* (святитель Иоанн Златоуст). Что же при виде такого смирения должны чувствовать наши сердца? Один лишь трепет и удивление перед неизреченным величием Божественной любви.

Родился Христос — и никто уже не может поколебать нашей веры в благость Божию, надежды на спасение, любви друг ко другу. Бог открывает нам Свои отеческие объятия, дабы мы, предавши себя Ему, уже не были сынами тьмы, но сынами света, преисполненными делами добра и милосердия.

Многочисленными событиями был насыщен минувший 2008 год. Я хотел бы отметить активное участие верующих в общественной и церковной жизни нашего края. Зарегистрировано 238 православных организаций Липецкой и Елецкой епархии. Продолжается освящение храмов, крестов, колоколов, закладных камней в основание строящихся храмов. Совершаются диаконские и священнические хиротонии, а также постриги в девяти епархиальных монастырях. Растет число духовных школ и обителей, развивается православное образование.

2008 год был отмечен особым праздничным торжеством, прошедшим в стенах Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря в честь 225-летия со дня преставления святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца. Этому событию была посвящена научно-практическая конференция. Были проведены Рождественские чтения.

При этом нельзя не отметить, что в настоящее время продолжают сохраняться устойчивые негативные стереотипы социального поведения: неуважительное отношение к старшему поколению, стремление к наживе, невысокий культурный уровень, утрата чувства ответственности и долга перед родителями, семьей, обществом, Отечеством.

В эпоху общественных потрясений, когда утеряны идеалы добра и справедливости, и семья теряет лучшие свои качества, гимназии, воскресные и другие школы призваны взять на себя заботу о сохранении социального здоровья нации. Преподаватели совместно со священнослужителями должны раскрыть и реализовать воспитательный потенциал исконно русских духовно-нравственных традиций в условиях современной жизни, взращивать в подрастающем поколении стремление к истине, верность Православию, соборность, сострадание и любовь к ближнему.

Итак, встречая день Рождества Христова, очистим себя, дорогие, от всякой скверны грехов, наполним сокровищницы Его различными дарами, *«... дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас»* (2 Кор. 1, 11).

Так будем строить свое спасение через богооткровенное учение, которое является нашим жизненным руководством, путеводной звездой в познании истины, чтобы мы в своей жизни обрели Христа и познали тайну Боговоплощения.

Ещё раз поздравляю всех вас с великим праздником Рождества Христова и Новолетием. И дай нам Бог приобрести истинную веру в Господа Иисуса Христа. «Сия вера соделывает радость и утешение в сердце, соделывает истинный Божий страх, отвращает от мирской суеты, чести, богатства, славы и учит презирать их. Она учит страсти Христовы высоко и дорого почитать, увещевает любить Бога и ближнего; учит смирению, заповедует молиться часто и воздыхать к Богу, и всего человека переменяет» (святитель Тихон Задонский).

Будем приближаться ко Господу и познавать Его премудрость, *ибо нас ради родился Отроча младо, Превечный Бог.*

С праздником!

НИКОН

Епископ Липецкий и Елецкий
Рождество Христово
2008/2009 года
г. Липецк

Пусть будет наше сердце яслями Христовыми

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Вознесенский собор, г. Елец, 8 января 2008 г.

С праздником Рождества Христова, дорогие отцы, братья и сестры!

Мы сегодня прославляем Собор Пресвятой Богородицы. Рождество Иисуса Христа не могло произойти без Матери Божией. Родителями Ее были праведные Иоаким и Анна, которые, будучи безплодны, вымолили у Господа это благословенное дитя. Дева Мария с ранних лет воспитывалась в храме Божием, занималась рукоделием. Еще с детства Она познала сокровенную молитвенную жизнь в Боге.

Да и как известно, все из родословия Иисуса Христа имели много скорбей. У Авраама, например, не было даже клочка земли, жил он, как пастух, негде ему было поселиться, поэтому он годами кочевал из одной местности в другую. Когда умерла его жена Сарра, то негде было похоронить ее и пришлось купить малый клочок земли, чтобы предать земле ее тело...

Да и царь-пророк Давид, вы помните, сколько перетерпел испытаний: царь Саул люто его возненавидел. Много раз хотел убить его. Когда Саул был не в духе, приглашал Давида, который, будучи еще отроком, играл ему на гуслях, чтобы царю становилось отраднее. Но бес его так мучил, что в это время Саул брал копье и бросал в Давида, тот только ловкостью успевал увернуться от удара. И потом Саул постоянно преследовал его везде и всюду. И хотя были случаи, когда Давид мог убить Саула: раз он отрезал края одежды царя и показывал с горы, говоря: «Вот видишь, ты был в моих руках, но я не могу поднять руку на помазанника Божия», ища тем самым мира...

Да и Иосиф-обручник жил так же очень бедно, столярными работами зарабатывал себе на пропитание...

Мы видим, дорогие, что Иисус Христос воспитывался не в царских палатах, питался не с царских столов. Рождение Его было в полной нищете — в вертепе, пещере, и положен Он был в ясли, из которых кормили скот. Первыми о рождении Богомладенца узнали бедные пастухи. Они услышали ангельскую песнь: «*Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение*» — простые люди первыми услышали о благой воле Божией, о спасении человечества, о мире, принесенным Спасителем на землю.

Как человек может жить в мире? Мы знаем, что есть две противоположности: мир и война, ложь и правда, свет и тьма, плоть и дух, жизнь земная и жизнь небесная... И вот Господь, зная о том, что нам очень трудно сохранить мир в сердце, пришел дать нам этот мир — у нас мир появится только тогда, когда в нашем сердце будет Сам Господь.

Мы готовились к Рождеству Христову постом, установленным Церковью, чтобы хотя немного себя облагородить и освободить от многоядения, от веселия, песен и плясок, от развлечения и рассеяния всякими житейскими попечениями. Мы готовились, чтобы приготовить в своем сердце место для Господа, чтобы Он пришел и вселился в нас, даровал бы нам мир и счастье. В Священном Писании сказано, что *вы — храм Святаго Духа* (ср. 1 Кор. 6, 19). Как хорошо быть храмом Божием!.. Как же легко жить, когда мы отдали сердце Богу!

Господь говорит нам: «*Не любите мира, ни яже в мире*» (1 Ин. 2, 15). А мы что любим? Что в нашем сердце? Оно заполнено всякими попечениями, заботами, всем тем, что есть в мире, особенно тем, что мы любим в этой земной жизни.

Если мы любим Господа, то, подготовившись к Рождеству

Христову, мы откроем Ему дверь своего сердца. Пусть оно будет яслями Богомладенцу. Но так как сердце наше занято, заполнено земными желаниями и стремлениями, а может, и страстями и пороками или богатствами мира сего, суетною славой — ведь это все, чем мы живем, вот что заполняет наше сердце, то негде Господу родиться, нет места в нашем сердце. И когда мы придем к Нему и скажем: «Господи, я ходил в храм, любил праздники...» (но в сердце мы Его так и не пустили!), поэтому Он ответит нам: «*Яко николиже знах вас: отъидите от Мене, делающии беззаконие*» (Мф. 7, 23).

Один старец жил за городом. Все люди почитали его за великого, считали, что молитвами этого старца они оберегаются от всех бед. Приходили к нему за благословением, за наставлением... И вот, когда старец этот умирает, Господь посылает к нему некоего с трезубцем, который долго мучил старца...

И спрашивают: «Господи, за что такие страдания и муки перед смертью?» И Господь ответил: «Он ни минуты в своем сердце не упокоил Меня, он не принял Меня, он не жил Мною...»

Так вот, дорогие, этот старец много постился, молился, делал поклоны — иначе люди не увидели бы в нем подвижника. И он, вероятно, также услышал слова: «*Иди от Меня, Я не знаю тебя*». Это очень горько будет для нас и страшно, когда мы думаем, что ходим в храм, что мы с Богом, что мы постимся, хотя, скорее всего, пост наш был с ропотом, со страхом, что заболеем, с сожалением, что нельзя вкусить то или это... И вот, когда так жили, пришли на праздник Рождества Христова, а праздника-то и нет. Пришли на службу с пустым сердцем и рассеянными мыслями и ушли, ничего не получив, с такою же омраченной душой...

Но все равно ради избранных Господь посылает благодать и радость Своего воплощения, как посылает солнце и дождь на добрых и злых. Так давайте же будем стараться быть в числе избранных, чтобы Господь не отнял у нас праздника, чтобы благодать Его изливалась и благословляла наши усердия к Богоугодной жизни! Будем, дорогие, не только постом готовиться к встрече с Богом — всей своей жизнью.

Будем очищать свои сердца, чтобы быть нам яслями Христовыми. И Богомладенец, видя наши внутренние сокровенные желания полюбить Его, отдать Ему самого себя, поможет нам и в этой жизни, и в будущем веке. Аминь.

КОГО ТЫ ИЩЕШЬ, МАЛЕНЬКИЙ ХРИСТОС?

Когда душа болела о грехах,
И сон печали смежил мои очи,
В дверь кельи кто-то робко постучал —
Стоит Дитя. А дело было к ночи.

О дивный сон! А может, это явь?
Младенец тих, не по годам серьезен.
Взирала на меня Сама Любовь...
И почему-то подступали слезы.

«Кого Ты ищешь, маленький Христос?
Войди в мой дом, душа Тебя узнала,
Прости, встречаю гостя я в слезах:
Скорблю о том, как жизнь начать с начала.

Все рушит бремя тяжкое грехов,
Обиды жгут, смертельно гордость ранит.
Душа сломилась, как она больна.
Кто все очистит, кто теперь исправит?»

Младенца полон состраданья взгляд,
Он предо мною на возд=ух поднялся,
И язвы от мученья у Него...
И произнес: «Я за тебя распялся».

«Кого Ты ищешь, маленький Христос,
Зачем Ты носишь язвы от распятья?»
И произнес: «Грехи беру Себе,
Чтобы из ветхих обновились платья».

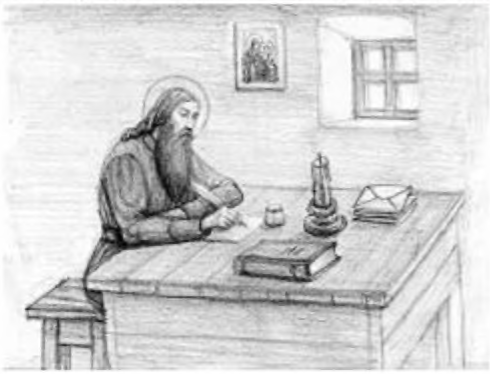
Живой водой Его пречистый взор
Излился на мою больную душу
И смыл всю грязь, и страшно стало мне:
Как я теперь закон Его нарушу?!

И вдруг огонь Его священных уст
Дохнул на сердце, стало оно видеть,
Как всё вокруг страданьями полно,
И ближнего великий грех обидеть.

«Кого Ты ищешь, маленький Христос?
Печален взор и ничего не просишь,
Со славой Божьей в Чаше восстаёшь
И снова в жертву нам Себя приносишь».

Не знаю — то во сне иль наяву
Всё было. Только очень в это верю.
Спаситель ищет каждого из нас.
Не закрывайте пред Младенцем двери!

Монахиня Михаила, г. Елец



Святитель Тихон Задонский

Келейные письма

Письмо первое

В нынешний день великий, не имея с чем еще тебя поздравить, как только по поводу всемирной радости, — с нею тебя поздравляю. Какова она? — Сын Божий пришел грешников спасти. Радуйтесь, грешники! Бог и Господь наш пришел ради нас в мир, чтобы спасти нас. *Великая благочестия тайна: Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16)! Царь Небесный на земле явился, и Неприступный Херувимам с людьми пожил.

О, благость и человеколюбие несказанное явившегося Господа! О, блаженство тех, ради которых их Бог и Господь пришел и явился им!

Блаженны очи, видевшие Бога во плоти, и уши, слышавшие Божественные слова Его, чего многие пророки хотели *видеть, и не видели, и слышать, и не слышали* (Мф. 13, 17)! Блаженны и мы, хотя этими грешными глазами не видим Его и этими ушами не слышим пресладкого голоса Его, но веруем пришествию Его. Особенно же *блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29). Блаженны мы, так как ради нас Бог наш к нам пришел, Бог, уподобившись людям, к людям пришел, и пришел ради людей. Он пришел грешников спасти, значит, и нас, ибо и мы в числе грешников. Он пришел взыскать погибших, значит, и нас, поскольку и мы были в числе погибших. Благословен Бог, Который пришел грешников спасти и погибших взыскать!

Открыли для нас это сокровище спасения очевидцы, которые видели Его и слышали Его, и беседовали с Ним, и жили и общались с Ним, и осязали Его, и ели и пили с Ним, и пребывали в напасти с Ним, слышали, как Он проповедовал святое Евангелие и царствие небесное; видели, как по земле ходил, и из города в город и из селения в селение переходил, утруждался, чудодействовал, прокаженных очищал, слепых просвещал, мертвых воскрешал, и прочие вышеестественные дела творил; видели, как Он ради нашего спасения страдал, умирал, и умер, и был погребен, и воскрес из мертвых, и как вознесся на небо, видели.

Эти очевидцы согласно нам проповедали: *о том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, — о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам,* и прочее (1 Ин. 1, 1-3). И еще: *мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия. Ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от велелепной славы принесся к Нему такой глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение. И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе* (2 Пет. 1, 16-18; Мф. 17, 5; Мк. 9, 7).

Истину эту очевидцы и достоверные свидетели ее не только словом и чудесами и различными знамениями, но и кровью своей, и различным страданием и смертью своей утвердить не усомнились. *Верно и всякого принятия достойно слово* (1 Тим. 1, 15), которое не один, не два, не три, но многие очевидцы согласно проповедали, и не только проповедали, но и знамениями и чудесами подтвердили, и крови и душ своих не пощадили. Рассуждай об этом, брат, в этом поучайся, в этом стой, мужайся, крепись и хулителям и безбожникам, которых уже не мало является, заграждай уста и молись, чтобы нам, не видев Бога, явившегося во плоти ради нас, возлюбить Его всем сердцем *и, доселе Его не видя, но веруя в Него,* радоваться *радостью неизреченною и преславною, достигая наконец верою* нашею *спасения душ* (1 Пет. 1, 8-9).

Спасайся!

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

Блажени изгнани правды ради... Блажени есте, егда поносят вам... Вы есте соль земли...

(глава 5, зачало 10)

Всегда ли, во всем ли должно уступать, чтобы сохранить столь вожделенный мир со всеми людьми? Нет, не всегда: когда люди потребуют от тебя, чтобы ты поступил против правды Божией, против совести и Закона Божия, тогда не уступай: пусть на тебя враждуют, пусть гонят тебя – береги, как зеницу ока, сокровище своей души, то есть те добродетели, которые стяжал ты соблюдением первых семи заповедей блаженства. Против тебя будет восставать плоть твоя – твоя греховная природа, для которой стеснительно твое попечение о чистоте сердца; против тебя восстанет мир, восстанут грешные люди, которым твоя добрая, благочестивая жизнь покажется укоризною, обличением их нечестивой жизни, как чистое зеркало – для обезображенного лица; против тебя восстанет страшный супостат наш диавол, которому ненавистно наше спасение. И все эти враги твои соединятся воедино, чтобы огорчить тебя, чтобы причинить тебе всякое зло...

Мужайся и крепись, помни слово Христово: ***Блажени изгнани*** не за пороки какие-нибудь, не за свою вину, ***а правды ради***, блаженны те, которых за правду судят и осуждают, хулят и порицают, безчестят и всячески притесняют, мучат и убивают. Блаженны все сии мученики правды, ***яко тех есть*** – им принадлежит ***Царствие Небесное***.

Наконец, Божественный Учитель Иисус Христос обращает речь Свою наипаче к присным ученикам Своим – святым апостолам: ***блажени есте, егда поносят вам, и ижденут***, погонят из града во град, не давая вам места главу преклонить, ***и рекут всяк зол глагол на вы, лжуще*** – возводя на вас всякие клеветы ***Мене ради***... Так скорбью начато учение о блаженствах, скорбью и кончается. Там, в начале, скорбь нищеты духовной и плача о грехах. Здесь, в конце, скорбь терпения страданий за правду, за Христа. Поистине, ***многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие!*** Воистину *вси, хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут*. Таков закон земной жизни для христианина. Скорби нужны ему для спасения души его, для очищения его сердца, для того, чтобы и он познал свои немощи и смирился, для того, чтобы и он понес крест свой за Христом и уподобился Ему, своему Спасителю, в терпении крестных скорбей. И вот Бог попускает эти скорби для всех верующих в Него: кто стонет от властолюбия сильных мира сего, кто плачет от жадности людской, кого теснит гордость, кого преследует злоба, кого уязвляет зависть и клевета человеческая; а кого ловит лесть и лукавство; того мучит плоть с ее ненасытными страстями и похотями, а на этого нападает диавол с унынием и гордостью...

Но кто изочтет все кресты человеческие? Один Тот, Кто взял на Себя грехи всего мира, один Он ведает всю неизмеримую тяготу скорбей человеческих! Все мы под крестом; кто не несет креста скорбей, тот не может сказать о себе, что он ученик Распятого на кресте Господа Иисуса.

Правда, несут свои кресты, страдают за свои грехи и грешники; не страшатся опасностей и даже вызываются на страдания разные еретики и раскольники, чтобы прослыть мучениками. Но если всех таких считать блаженными, то пришлось бы, как говорит блаженный Августин, считать мучениками и жрецов Ваала, пораженных пророком Илиею, и каждого преступника, казненного на эшафоте. Нет, таковые не блаженны: это прельщенные мечтатели, а не мученики; истинные мученики только те, которые страдают за истинную Христову веру православную, за правду, за добрую христианскую жизнь. Только сии крестоносцы и блаженны, блаженны еще и здесь, на земле, потому что у них душа светла, совесть чиста, сердце покойно, а когда они возведут свои скорбящие очи на крест Христов, то какое благодатное утешение изливается в их скорбную душу с этого креста! Вот почему апостол Павел радовался в своих страданиях за Христа; вот почему и апостол Иаков убеждает верующих: *всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна*. Эта святая радость бывает вдвое радостнее, когда Господь благоволит явить над страждущим праведником чудеса Своего Божественного промышления.

Так праведный Иосиф был продан братьями в рабство, а Господь поставил его владыкою не только над Египтом, но и над ними самими. Моисей скрылся от угроз фараона, но явился к нему как посланник Божий. Илия убегал от Иезавели, но востек по огненному пути на небо. Апостолы, мученики в ужасных страданиях окончили жизнь, но чудесами изумляли всех и терпением обращали самих гонителей ко Христу. Всех праведных при жизни ненавидели и гнали, а по смерти чтят и ублажают. Им по смерти принадлежит Царство Небесное: *вы есте пребывше со Мною в напастех Моих*, – говорит Господь апостолам Своим, – и *Аз завещаю вам, якоже завеща Мне Отец Мой, Царство*. Пусть называют вас обманщиками, льстецами, злодеями, – вы все же блаженны. ***Радуйтися и веселитеся, яко мзда ваша многа*** – награда вам велика ***на небесех***. И апостолы действительно радовались, когда Иудеи безчестили их за имя Христово. ***Тако бо изгнаша пророки, (беша) прежде вас***. Так гнали, поносили и Самого Божественного Учителя Господа Иисуса Христа. Сравнивая апостолов с пророками, Спаситель ободряет их. Не вы одни будете терпеть, как бы так говорит Он: это удел всех праведни-

ков, даже пророков, с которыми и вы будете вместе в Царстве Небесном.

«Христос обещает награду, – замечает святой Златоуст, – не за опасности только, но и за поношения, за клеветы, злословие, ибо злословие иногда уязвляет более, чем оскорбление делом и опасность. Иов все беды переносил благодушно, а когда стали друзья злословить его и говорить, что он наказывается за грехи свои, то и этот мужественный и великий терпеливец поколебался и возопил: *помилуйте мя, помилуйте мя, о друзи!*

Заметь, – продолжает святой Златоуст, – после скольких заповедей предложил Он последнюю. Он хотел показать, что тот, кто заранее не подготовлен всеми теми заповедями, не может вступить и в подвиг мученичества. Потому-то, от первой заповеди пролагая путь к последующей, Христос сплел нам златую цепь. Ибо человек смиренный будет оплакивать и грехи свои; оплакивающий свои грехи сделается кротким, тихим и милостивым; милостивый, конечно, сделается и чистым по сердцу; а чистый сердцем сделается и миротворцем. А кто всего этого достигнет, тот будет готов к опасностям, не устрашится злоречия и безчисленных бедствий».

Кто хочет получить блаженство с мучениками? «Почувствуй мучения совести, – говорит святой Афанасий, – умри для греха, отсеки греховные пожелания, и ты будешь мученик по произволению. Мученики боролись с мучителями, царями и князьями: есть и у тебя учитель – диавол, этот царь греха; есть и князья губители – это демоны. Блудная похоть – вот мерзостная Афродита, гнев и ярость – вот идол Арей... Если сохранишь себя от этих страстей, от греховных пожеланий, то это и будет значить, что ты попрал кумиры и стал мучеником».

Таково сие небесное Божественное учение о блаженствах. Господь называет вожделенным то, чего люди обыкновенно избегают и боятся: нищету, плач, терпение, скорби... Но за все это Он обещает награду в Царстве Небесном. Преподав ученикам столь высокие и трудные заповеди, Господь показывает далее, для чего им необходимы такие заповеди: учение, которое вам поручается, – говорит Он, – преподается не вам одним, но и всей вселенной. Вся земля заражена зловонием греха: вы Моим учением должны уничтожать эту заразу. ***Вы есте соль земли.*** Как соль делает соленою пищу, так и вы, Мои ученики, должны всех делать Моими учениками; немного нужно соли, чтобы сделать пищу вкусною и здоровою: немного и вас, но во весь мир вы просеете Мое учение. Соль предохраняет пищу от гниения; так и вы должны предохранять людей от зловония греха Моим спасательным учением, своею молитвою и примером святой жизни своей. Другие через вас должны исправляться: но если вы сами будете неисправны и впадете в заблуждение, то погубите с собою и других: ***аще же соль обуяет*** – потеряет силу, ***чим осолится.*** Если учитель потеряет ум, если не будет учить, обличать, исправлять и разленится, то чем исправится? Потерявшая силу соль ***ни во чтоже будет ктому*** – уже ни к чему негодна, ***точию да изсыпана будет вон и попираема человеки.*** Так и недостойный учитель должен быть лишен учительства и подвергнут презрению.

Если бы вы, ученики Мои, потеряли благодать Мою, то что же тогда может укрепить вас? Что тогда может дать вам силу к обновлению мира? Вас будут злословить: но так и быть должно. Соль своею едкостью неприятна на вкус людей сластолюбивых: так и вас не полюбят люди грехолюбивые, они будут вас преследовать, но не бойтесь: повредить они вам не могут. Если же вы устрашитесь злословия и оставите необходимую для вас твердость, то все вас будут презирать, а это-то и значит быть попираемым. Хотя соль и отличается едкостью, остротою на вкус, однако же ее с удовольствием примешивают к пище: так и вашей твердости, и вашему терпению должны удивляться самые враги ваши – язычники и чрез то познавать истину Мою.

Что же это за дивная сила, которая учеников Христовых делает солью земли? Это благодать Святого Духа, обитающая в чистой душе христианина. Она же соделывает их и светом мира.

ТРОИЦКИЕ ЛИСТКИ.
ТОЛКОВАНИЕ НА
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ.
(печатается в сокращении)

Исполняйте то, что поняли из Евангелия

Имеет большое значение — делать то, что понимаем, ибо мы сегодня имеем склонность к учебе. В домах у нас большие библиотеки, подержим в руках «Добротолюбие», а на практике — ничего. Один мусульманин здесь, во Фракии, за один день прочитал Евангелие, воодушевился и, поскольку был доброжелательным, уверовал, по словам Евангелия, что Христос — Истинный Бог. Однако понял из всего Евангелия только три вещи — что нужно: а) любить Бога и молиться Ему постоянно о помощи; б) любить ближнего своего и в) терпеть все, что случится, для пользы своей души... Он крестился и старался сохранить это.

Хаджа и другие мусульмане, среди них и родители, когда узнали, что он стал христианином, объявили ему войну и не давали покоя. Но он осуществил на практике те три вещи, которые понял. Молился часто Богу, любил ближнего своего и терпел. И в результате мусульмане удивлялись его доброте и начали веровать во Христа и креститься. Так он и себе помог, и товарищам своим.

Старец Паисий Святогорец

Митрополит Питирим (Нечаев; † 2003)

О духовной сосредоточенности

Митрополит Питирим (Нечаев)

Некоторые слова в наше время употребляются так часто, что первоначальный смысл их совершенно теряется. Одно из таких слов, понятий — духовность. Оно нередко употребляется в искаженном смысле. Так было в советское время, когда у нас «поднимали духовность», что выражалось в основном в создании ансамблей песни и пляски и немного — в литературе. А светоча подлинной русской духовности преподобного Серафима Саровского и упомянуть было нельзя.

Духовность в православном понимании — это та высокая степень личного внутреннего развития, которая, принимая все, высшей ценностью считает вечную жизнь своей души в полном соответствии с волей Божией. Душа неизмерима никакими ценностями. Когда мы придем на суд к Богу, нас не спросят: «Сделал ли ты что-нибудь для спасения Каракумов или Аральского моря, или для орошения Афганистана?» Бог спросит, и мы обязаны будем ответить на вопрос: «Что ты сделал со своей совестью? Было ли так, что ты когда-нибудь ее не послушал? И сколько раз ты ее не слушал, сколько раз ею пренебрегал?»

Человек, созданный Богом, был безсмертен, у него была неограниченная свобода действия, но ему был дан закон, по которому он должен был жить. Этот закон не сковывал человека, но давал направление его деятельности. «Все мне позволительно, но не все полезно», — говорил апостол Павел. Принимая все, человек выбирает лучшее.

Отождествлять духовность с религиозностью — это тоже крен. Я бы сказал, что знак равенства можно поставить между понятиями «духовность» и «человечность». Одно из древних имен Бога — «Сила». У греков даже возглас есть перед Евхаристией, когда хлеб и вино уже находятся на престоле: «Динамис!» — «Сила!» Человек — проводник этой божественной силы в мире. Как камень — это твердое, огонь — это горячее, так человек — духовное существо, духовна сама человеческая субстанция. Весь мир вмещается в душе человека. Но если в нем нет духа — это уже не человек. Духовная сущность проявляется в человеке по-разному. Гнев и ненависть — это тоже проявления духовности, это не всегда плохо. «Ревность о Боге сжигает меня» — сказано в Писании.

Когда человек выходит за рамки своего материального состава, он становится как бы равным Богу. Святитель Афанасий Александрийский сказал однажды, может быть, даже роковую для нас фразу: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом». В богословии есть термин «обожение» — т.е. не просто почитание Бога, но именно проникновение всего человеческого существа силой Божией. Человек создан по образу и подобию Божию. Образ — это то, что заложено в человеке: свобода, совесть, начатки вечной жизни. А подобие — это задача человека. Это неотъемлемый душевный мир. Первый этап восхождения к Богу — наслаждение красотой окружающего мира. Следующий — видение красоты духовной, прежде всего — красоты человеческой души. В кругах афонских старцев есть такое выражение: с Богом трудно. Бог заставляет работать всегда, мы все время должны быть в состоянии готовности, к которому призывает нас Христос.

Симеон Новый Богослов очень точно описал закон духовного делания. Бог всегда дает человеку «аванс». Первый опыт благодати всегда бывает радостным, светлым, но потом благодать отнимается и человек тоскует, пытаясь вернуть себе этот дар. Но для этого он уже должен приложить усилие, и Бог возвращает благодать, хотя и в меньшей степени. Так — как будто поднимаясь по лестнице, ступая вперед то одной, то другой ногой, человек постепенно восходит к Богу.

Путь восхождения к Богу — это самоограничение и молитва. Чем проще молитва, тем она действеннее. Поэтому и древние церковные писатели, и наши русские духовные наставники твердят о высоком значении краткой так называемой Иисусовой молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Эта молитва создает тот внутренний духовный мир, который является выражением пути человека к Богу и привлекает в ответ божественную силу.

Выражение «Бог дает молитву молящемуся» имеет два очень серьезных значения. Одно — выражено в молитве оптинских старцев и митрополита Филарета: «Ты сам во мне молись», т.е. Бог внушает молящемуся наиболее полезную для него молитву, ту, которую Он готов исполнить, но молящийся сам должен об этом попросить. Другое значение — когда количество переходит в качество. Только молящийся может по-настоящему понять всю силу и глубину молитвенного делания. А это очень высокая школа.

Был такой замечательный иерарх — архиепископ Филарет Рижский. Как-то раз он сказал: «А я правило вообще не читаю». Я, иподиакон, услышав это, чуть в обморок не упал: как же так, такой хороший архиерей и

вдруг — правило не читает! А он продолжал: «Я прихожу в свою домовую церковь и сижу в кресле перед алтарем, пока не почувствую, что готов служить обедню». Сколько он так сидит — он мне не рассказывал, и что он при этом делает — тоже, — я уже и вникать перестал: получил — и успокоился. Но, во всяком случае, это внутреннее состояние — уже не необходимость, а желание, и даже жажда молитвы — как раз то, с чем священник должен подходить к литургии.

Христос в Евангелии говорит, что не надо молиться долго, — так, как делают фарисеи. Он учит обращаться к Богу проще, словами молитвы «Отче наш». Смысл этой молитвы в том, чтобы ощутить себя в единстве, в сыновстве по отношению к Богу. Мы Ему не чужие, не пришлые, мы Его дети, которым Он даст все необходимое и из которых создаст Свое Царство. Бог дал нам возможность быть его детьми. Этому и служат церковные таинства.

Когда священник встает перед престолом, это можно сравнить с началом битвы: сила на силу, сила духовности — против той злобной силы, которая идет на нас. Поэтому, если у священника на душе неспокойно, если его духовный мир нарушен, то он, можно сказать, разоружен. Умерший в схиме монах Нектарий (Овчинников), Николай Александрович, известный хирург, который в юности был алтарником у моего отца и другом моих старших братьев, говорил мне, когда уже стал священником, что ему было бы легче провести полторы смены за операционным столом, чем отслужить одну литургию.

Диавол слабее Бога, но его тактика — раздробить, размельчить внутреннее состояние человека. Поэтому, если читаешь молитву — заключай ум в слова молитвы и не отвлекайся, не блуждай мыслями. Точно так же и в миру: слушаешь лекцию — слушай, а не мечтай о вещах более приятных. Всякая небрежность, разболтанность — и в работе, и в одежде — это умаление духовной сущности. Добродетель целомудрия, которая очень ценится в Церкви, — это не столько сохранение девичьей чистоты или юношеской свежести — это именно целеустремленность, целенаправленность, цельность личности. Целомудренный человек не разменивает себя на мишуру.

Однажды, обращаясь к народу, один проповедник сказал: «Вот вы критикуете монахов. А знаете, чем монах отличается от всех вас, здесь стоящих? Он хотя бы один раз — но хотел быть лучше. А вы?» Это, конечно, полемический, риторический прием, который не всегда может быть применен, но действительно: монах — это тот, кто однажды хотел стать не таким, как вся биологически существующая масса, а сосредоточить все свои силы на одной важной цели — достижении одного высшего состояния.

Высшая монашеская ценность — невозмутимый покой, но монах никогда не утвердится в ней, пока не скажет: «В мире только двое — я и Бог». Монашество — это школа созидания собственной личности. Монах уходит от мира, чтобы в тишине, в уединении созидать самого себя. Уединение человеку необходимо. В одном древнем патерике описывается такая история. Жили три монаха. Монастырская жизнь их не удовлетворяла. Они были строгими подвижниками, выполняли весь устав, но этого им было мало. И они договорились: разойтись и через некоторое время встретиться. Назначили срок и место — ту же хижину, в которой они были. Прошло время, и они вновь собрались вместе. Один говорит: «Меня всегда угнетала мысль о болезнях человека. Я решил посвятить себя служению больным. Ушел в город, ухаживал за больными. Я не боялся прокаженных, я шел к холерным и чумным, но сколько ни работал, я не нашел в себе покоя, потому что болезни все больше и больше увеличивались». Другой говорит: «Меня угнетала мысль о человеческих ссорах, и я пошел мирить людей. Я тоже поселился в городе. Ходил по базарной площади, мирил спорящих, я входил в семьи и мирил между собой родных, но сколько я ни мирил, убедился, что это невозможно. Я пришел в состояние огромной внутренней усталости, я не знаю, что мне делать». А третий взял котелок, сходил к ручью, зачерпнул воду, поставил и молчит. Смотрят друзья в котелок: мутная вода, глинистая, соринки плавают. Смотрят — и тоже молчат. Через некоторое время соринки пристали к краям котелка, муть осела на дно, и в зеркальной поверхности каждый увидел свое отражение. И тогда третий сказал: «А я, братья, ушел в пустыню и там увидел свое лицо».

Идея монашества зародилась очень давно, еще в библейские времена, когда человек, желавший очищения, принимал на себя обет назорейства. После сорокадневного поста назорей приходил к священнику в Иерусалимский храм, там сбривал весь волосяной покров, который сжигали — как знак полного очищения (волосы, кстати, очень накапливают информацию), и после этого приступал к своей повседневной жизни. Так поступали и апостолы, путешествующие по странам Средиземноморья, так поступали люди и уже в нашу, христианскую эру. Но это не удовлетворяло тех, кто искал особого самоуглубления. Уже во втором веке в Палестине возникли так называемые «воски», а в третьем веке в Египте зародилось собственно монашество. Оно пришло и к нам. Наш первый монах, преподобный Антоний Киево-Печерский, прошел школу на Святой Горе, а затем перенес эти традиции в Россию. Ярким примером такого подвижничества был Преподобный Сергий. Он ушел в дебри Радонежских лесов, чтобы в уединении преодолеть в себе те слабости, которые сопутствуют жизни человека. Так поступали и многие другие. Но удел монашества всегда трагичен тем, что человек, уходящий от мира, не остается в уединении долго. Мир идет к нему в поисках той тишины и глубины, которую тот нашел для себя. Таким образом, монашество становится уже социальным служением. Преподобный Иосиф Волоцкий, по-видимому, рассудил более прямолинейно: если все равно от мира уйти не удастся, то, может быть, монаху идти в мир и пытаться преобразовать его? Что он и сделал.

«РУСЬ УХОДЯЩАЯ. РАССКАЗЫ МИТРОПОЛИТА ПИТИРИМА», 2007

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 29

Из воспоминаний схимонахини Макрины

Отца Виталия я знала еще с Глинской пустыни. Я была ребенком тогда. Помню, всё рвалась в Глинскую, а мама меня не пускала: «Куда ты поедешь?! Там леса! Говорят, так страшно...»

Мама-то моя везде по монастырям бывала: и в Почаеве, и в Киево-Печерской Лавре, и в Пюхтицах. Только в Глинской не была. Ездила в паломничества и меня с собой брала. Когда мне было лет 12 (это был примерно 1947 год), она взяла меня с собой в Киево-Печерскую Лавру. Там я про Глинскую много наслышалась: какие там старцы благодатные. И душа моя загорелась...

В Киеве был еще Введенский монастырь – сейчас, говорят, его как мужской открыли, а раньше он был женский. И вот мы с мамой попали туда. Были на службе... И когда я увидела матушку-игумению, а возле неё девочку, такую же, как я – лет 12-ти, – в камилавочке в такой, в рясе, я как расплакалась... Больно уж мне понравилось, как она держит посох – матушка стоит, а она – около нее... И я плачу и говорю: «Матерь Божия, я тоже буду так... я не буду миру служить – буду Тебе!..»

А тогда притесняли монашек, было трудное время, и нас принять было небезопасно. Мама потом мне рассказывала, что нас поместили в подвал, так как опасались милиции, необходимо было нас спрятать, чтобы не забрали. Мама так рассказывала: «Я тебя спать уложила, а сама сидела, не спала, потому что бегали крысы, я боялась, что они тебя укусят, и я всю ночь караулила...»

Потом мы поехали с мамой в Почаевскую Лавру. А после этого вернулись домой, т.к. мне надо было учиться в школе – наша семья тогда в Михайлове Рязанской области жила. Но училась я только шесть лет – не захотела, сказала: «Больше не буду, работать пойду».

Моя старшая сестра работала бухгалтером, и меня научила кое-чему: немного печатать на машинке, писать реестры... И я их писала, в горсовет бегала, относила, и мне какую-то денежку за это платили. Я эти деньги собирала – родители разрешили. Мама сказала: «Эти деньги собирай, мы у тебя их не берем – тебе пальто на зиму купим». А я думаю: «Вот еще – пальто!.. Я в Почаев поеду!»

Я хоть и малолетняя еще была – лет 16, но в Почаев-то ездить мама мне разрешала, потому что я там с ней не раз бывала, а потом и сама

ездила туда с девочками-подружками, моими землячками... Мы там к о. Кукше ходили, он нас наставлял...

И вот мне очень захотелось поехать в Почаев – была возможность безплатно, т.к. папа у нас работал на железной дороге и ему каждый год выдавали безплатный билет (можно было ехать ему или кому-то из семьи по железной дороге куда он захочет). И вот если не использовать билет вовремя, то он пропадает, и надо еще целый год ждать. А мне так не хотелось упускать этой возможности!

Помню, папа с работы пришел, сели обедать – сидим все за столом. Была осень, кончились заготовки (а наша Рязань очень хлебородная... – мне пришлось много работать – писать реестры) – И вот я сижу за столом и не ем... Папа спрашивает:

– Ты что не кушаешь?

А я ему говорю:

– Папа, вот я сейчас денежки собрала, хочу в Почаев поехать. Ты меня благословишь?

А брат сидит – видать, не понравилось ему это:

– О-ох!.. Как Маленков разъезжает! – тогда Маленков в правительстве был. – Смотрите-ка: только ехать ей!..

Но папа строго так глянул на него и как стукнет по столу: «А ну молчать!» и на меня:

– Сколько у тебя денег?

Я сказала. Тогда он вытаскивает свои деньги:

– Хорошо. Вот на тебе еще.

Так он меня отпустил.

Я – рада!.. «Ну, – думаю, – теперь-то и мама меня отпустит...» Она, конечно, поскорбела, что пальто мне не купили, а я с радостью начала собираться в дорогу... Тут мне денежки подсобрали, подарки для монастыря, и поехала я в Почаев.

Когда я приехала в Почаев, сразу пошла к о. Кукше. Я уже много раз в келью к нему приходила, когда приезжала раньше. Открывает он – радостный такой!.. Ввел меня и сразу:

– Во!.. Как хорошо, что ты приехала! А то – «пальто, пальто!..» Пальто – потом.

Я так и остолбенела:

– Батюшка, да Вы ж там не были, где я про пальто говорила!

А он заулыбался и сразу перевел разговор на другую тему:

– Знаешь, я вот в монастырь хотел уйти, а меня мама, папа не отпускали... а я взял сумку пастушескую и все равно ушел...» – отвлек меня от этой мысли про пальто, чтобы я про его прозорливость не думала...

И вот тогда я стала проситься у о. Кукши в Глинскую пустынь. Говорю: «Так мне туда хочется поехать, но мама не пускает – боится». Отец Кукша помолился, и, видать, Господь ему открыл, что есть воля Божия туда ехать. Собрали мне в Почаеве гостинцы, и я поехала.

Еще будучи дома, когда мама меня отговаривала, я ей сказала: «Меня отцы благословят – и я с кем-

нибудь поеду, ты не расстраивайся». Но поехала я почему-то одна.

И вот я первый раз попала в Глухов – не знаю, как и куда дальше... Как в монастырь добираться? Мне сказали, что это где-то в лесу. А у меня чемодан был в руках: люди собрали в монастырь передачу, потому что бедно тогда было, – кагор на причастие и муку.

Мне в Глухове подсказали, что надо идти к переезду и ждать машину... А я ничего не понимаю: какую машину?.. Ну, пошла и стою себе. Читаю молитовку и жду.

И вот идет какая-то женщина. Посмотрела на меня – обратила внимание: я ж в платочке и одета скромно...

Подходит ко мне:

– Девочка, ты далеко? Кого ты ждешь? – видит, что я с чемоданом.

Говорю:

– Я в Глинскую пустынь.

– Ой, деточка, а как же ты? Машины туда идут только попутные, а там потом пешочком еще. А как ты?.. Кто тебе разрешил?

– Да вот приехала... не знаю дорогу.

– Хорошо, я тебе помогу.

Взяла мой чемодан. Шла какая-то грузовая машина, женщина подняла руку, нас посадили и довезли почти до самого монастыря. Вот так я попала в Глинскую пустынь.

Домой я так и не вернулась. Осталась жить около монастыря на несколько лет, а маме письма писала. Жила за монастырской оградой у одной верующей женщины, тети Лены. У нее была дочка Галя, тоже верующая... Потом, когда эта девочка выросла, то стала монахиней в Пюхтицком монастыре. Сейчас она уже умерла, Царство ей Небесное...

В Глинской мы ходили на послушания. Разные послушания были. Летом косили траву на сено. И о. Андроник там был тоже. И о. Виталий. С отцом Виталием мы вместе воду с речки носили...

Он мне что-то рассказывал – про монастырь, помню, говорил... Но я общаться близко боялась, потому что меня о. Кукша предупредил, что с молодыми послушниками и монахами надо вести себя осторожно. Я это знала и поэтому как-то стеснялась вступать в близкий контакт...

Каждую субботу мы с батюшкой Андроником ходили на кладбище. Батюшка соберется и с кадилом идет на кладбище. Там он служил панихиду и читал заупокойный акафист, а мы помогали петь. Припев у акафиста был такой умилительный: «Господи, любовь неизреченная, упокой души усопших раб Твоих!» И о. Виталий любил с нами туда ходить, петь.

Бывало, что пели с о. Виталием и другими отцами духовные канты[1]. Особенно любили петь:

Господи, помилуй,
Господи, прости!
Помоги мне, Боже,
Крест свой донести...

Будучи в Глинской, мы к Оптинскому старцу Матфею Егорычу ездили, он недалеко от Глинской жил – блаженный был. Матфей Егорыч был постриженик Оптиной, а когда монастырь разогнали, то его забрала к себе в деревню родная сестра. И его, скрывая от властей, звали просто: «Матфей Егорыч». Ходил он в длинной рубашечке, подпоясанный поясочком.

И вот мы с девочкой Галей, в доме у которой я жила, однажды собрались: «Давай поедем к Матфею Егорычу – все едут, поедем и мы!» И поехали. Он мне тогда многое предсказал...

...Очень запомнились мне богослужения в Глинской пустыни. Помню, когда старцы на Литургии выходили с Чашей, то очень внимательно читали молитву: «Верую, Господи, и исповедаю...» И наставляли: «Повторяйте эту молитву про себя. Подходите с благоговением, не толпитесь. И читайте, как будете идти к Чаше, мытареву молитву: "Боже, милостив буди мне грешному!"» Так делали все Глинские старцы, и это во мне осталось до сего дня.

Некоторое время я была на послушании у отца Серафима (Романцова): он мне поручал переписывать письма. Он напишет, а я переписывала – у меня почерк был красивый. Потом клала эти письма в конвертики, запечатывала и отсылала...

Бывали и искушения... Отцы дали мне машинку, чтобы печатать разные душеполезные поучения, и я печатала. И вот однажды, помню, заложила листочек: «Ворожба и гадание – тяжкий грех». Только начала печатать – вдруг приходит милиция. Кто-то донес. А мне было 16 лет и потому меня не забрали, а напали на о. Серафима (Амелина). Забрали у меня книгу – там о Страшном Суде, о покаянии было. Я из нее выписки делала, печатала... Забрали у меня эту книгу, забрали машинку, а меня не тронули, потому что мне годов еще мало было. Я очень плакала, побежала в монастырь, хотя тетя Лена меня и удерживала...

А они пошли и начали требовать: «Давайте нам настоятеля!» Потом я слышала, как они у о. Серафима (Амелина) были – удивлялись: «Ну, какой старец!..» И всё после этого вернули: и книгу, и машинку.

Когда мне подходило уже к 20 годам, старцы меня благословили в Винницкую область, город Бар, в женский монастырь.

Получилось так, что в монастыре мы подружились с послушницей Ларисой из Таганрога. Там еще была с нами Зинаида, тоже из Таганрога. Но мы как-то больше дружили с Ларисой. А она была близка к отцу Виталию: она его еще по Таганрогу знала, до того, как он в Глинскую пришел. И вот она рассказывала мне о нем. И о себе рассказывала тоже. Она, хоть и молодая (моложе меня на два года), а столько претерпела за веру...

Ларису родная мать отправила в психушку. Родители до Бога были равнодушные, и на Новый год они поставили елку в святом углу, где она молилась. Она пришла из церкви вечером, а у нее пятиконечная звезда там горит на елке. Она сказала: «Во, бесовщину какую поставили!..» – взяла, подставила стул и сняла эту звезду. А мать и отец решили, что она на почве веры стала ненормальная, и вызвали скорую помощь.

Ее сильно мучили в психушке: клали на специальную кушетку, включали ток и останавливали сердце – чтобы она забыла Бога. Какие ужасы она рассказывала! Говорила:

– Включат этот ток, а сами в белых халатах стоят надо мной – смотрят. Я пришла в себя, глаза от-

---

[1] Песнопения духовного содержания *(прим. ред.)*.

крываю, они тогда: «Ну, Ларисочка! Есть Бог?» Я хочу крестное знамение положить, а не могу – рука не шевелится. А разум работает. Тогда кричу им: «Есть, был и будет!»

Вот через нее я уже более подробно узнала про отца Виталия.

Из монастыря нас выгнали через 5 лет. Тогда, в 1961 году, начался разгон монастырей. Был у власти Хрущев, и на одной неделе закрыли сразу Киево-Печерскую Лавру, Одесский Архангельский Михайловский монастырь, Глинскую пустынь, и наш Барский монастырь тоже. Старых монахинь перевели в другой женский монастырь, а нас, 5 человек молодых, выписали и сказали: «Идите, куда хотите. Домой езжайте, работайте».

Когда нас выписали, мы пошли с Ларисой в сад, плакали обе и почему-то говорили, просились: «Матерь Божия, возьми нас туда, где горы и море». А сами не знали даже, что такое горы и море – никогда не видели...

Куда уехала Зинаида после закрытия монастыря, я не знаю.[2] А вот с Ларисой нас Матерь Божия привела туда, «где горы и море»: в Абхазию. И, главное, ведь в разные места приехали: я в Гудауту, а она – в Сухуми. Я приехала раньше, потом она приехала. Она в Таганрог сначала ездила, а я плакала, домой не хотела, потому что мама одно время хотела меня замуж отдать... И я из монастыря поехала прямо сюда, в Абхазию. Пела здесь в храмах...

Какими судьбами всё это произошло? Сама не знаю. Матерь Божия привела. Про эти места я никогда раньше не слышала. А Глинские монахи тогда тоже многие сюда уехали...

Потом, со временем, я стала ездить к Владыке Зиновию в Тбилиси. И там мы опять встретились с о. Виталием. В Александро-Невском храме я пела в хоре – помогала. Там служба шла каждый день, без выходных, и я в будни часто приезжала в Тбилиси (когда не было служб в нашем храме). Владыка Зиновий мне так благословил: «Каждый раз, как приезжаешь, ты меня не спрашивай – сразу иди на хоры, помогай петь». А Батюшка Виталий нас там кормил...

И как меня увидит, сразу: «Матушка, мы с тобой поедем к нам!» А я боюсь, что мать Мария не разрешит – я такая стеснительная была... Тогда он делал так. Говорит: «Ты выйдешь за собор, и мы с тобой поедем на машине». И мы так ездили...

Помню, когда первый раз Батюшка забрал меня к себе на Московский проспект. Приехали, а там у него людей полно. Он зашел, прочитали молитву. Потом говорит:

– Сейчас мы будем исповедоваться. Матушка, – обращается ко мне, – ты будешь сейчас удивляться, какой я греховодник, какие я грехи творил.

Все расселись, он сам всех рассадил:

– Вы садитесь там, там, там... а ты, – на меня, – вот сюда сядешь, – и посадил рядом с собой.

И вот он начал рассказывать грехи. Люди плакали: сколько было мужчин и женщин – все рыдали. Он в открытую называл грехи... А там, видно, были такие женщины, которые детей во чреве убивали, а говорить об этом на исповеди стыдились. И вот о. Виталий говорит:

– А я, окаянный, что делал? Детей убивал! Пришел к отцу Андронику и каюсь. А он мне: «Ты что, Виталий, юродствуешь, что ли?» «Нет, – говорю, – это я грешил так».

На меня такой страх напал!.. Недаром Батюшка предупредил: «Ты, матушка, будешь удивляться».

Когда все ушли на службу, о. Виталий меня одну оставил, сказал: «Мы с тобой в храм поедем на машине». И когда все ушли, снял со святого угла икону Матери Божией «Введение во храм Пресвятой Богородицы» и несет ее в полотенчике (эти и икона, и полотенчик до сих пор у меня хранятся – берегу их как святыню). И радостный такой бежит:

– Матушка, вот тебе! А то ты – «не спасешься, не спасешься!..»

А ко мне, действительно, приходили такие помыслы, потому что были такие события в моей жизни: я от духовника ушла. И диавол начал нападать: «Ты теперь погибнешь!» Хотя на то были серьезные причины, и отец Андроник меня благословил уйти – я к нему специально с этим вопросом в Хасавюрт ездила... он даже в головку меня тогда поцеловал: «Умница, что приехала, можно было и раньше», но помыслы сомнения и отчаяния все равно не давали мне покоя.

И вот отец Виталий «прочитал» мои мысли и так обличил. Я как услышала – заплакала:

– Батюшка, да откуда ж ты мысли-то мои знаешь?! Мне так и отец Кукша в свое время сказал – всё, что у меня на сердце было! И ты мне так!..

А он мне тогда:

– Матушка, да ты что плачешь-то?! Да нас ведь Матерь Божия с тобой избрала! Она нас поведёт Сама!.. – и дает мне эту икону, благословляет. – Смотри, не отчаивайся!

Я рыдаю, не могу успокоиться. А он:

– Нет, нет, не надо. Матерь Божия Сама поведет... – палец вверх поднял, – ТУДА.

И он много чего мне сказал. Я, конечно, была в ужасе, когда он мне всё это раскрыл, а то у меня никогда и в мыслях не было, что он святой. Я вообще «Фома неверующий» и никому не верила, даже отцу Кукше, хотя он – святой и как на ладони всё видел: всю мою жизнь рассказал, когда мы еще девочками к нему ездили...

А какая была любовь у о. Виталия!.. Как-то раз мать Мария не допустила меня к нему, а я назавтра уже уезжаю. Я ж надолго не могла задерживаться – у меня служба в своем храме, я клиросная.

Пошла я со скорбью в сердце к себе на квартиру – туда, где Мария хроменькая жила (она мне близкая была). Пришла, и мне ве-

---

[2] Из воспоминаний р. Б. Зинаиды: «По благословению о. Виталия я стала искать себе монастырь. Приехала в Глинскую пустынь. Увидела монашескую жизнь – мне понравилось. Но Глинскую собирались закрывать, и я стала искать дальше – ездила то в один, то в другой монастырь. Мы с Вороновой Ларисой (она сейчас уже умерла, дожив до схимы) жили около месяца в Киево-Печерской Лавре. Наконец мы поступили в Барский монастырь – там можно было прописаться. Молитвы отца Виталия помогали, содействовали нашему житию... Но вот наш монастырь закрыли. И я вернулась домой – жила с мамой, работала на производстве, посещала храм, пела на клиросе».

лели печь пирожки. Я их пеку, переворачиваю, вдруг смотрю в окно: отец Виталий бегом бежит! Забегает:

– Матушка, о, какие у тебя пироги! А что, у тебя билет на руках, ты едешь? А как же ты так-то?

Я ему в ножки упала:

– Батюшка, а я скорблю, что Вас не видела!

– Вот. А Матерь Божия и привела меня.

И он мне в ножки бросился:

– А я ж, – говорит, – пришел, я же вижу: уезжаешь.

Это он провидел мою скорбь и пришел. Благословил, сказал, чтобы меня на поезд проводили, посадили. Передал ладан, иконки.

На меня тогда это так подействовало!.. Думаю: «Дорогой же ты наш Батюшка!..»

А как о. Виталий Владыку Зиновия любил!..

Обычно, как к Батюшке приезжаешь, он сразу:

– Матушка, я до Владыченьки!..

Очень Владыку любил. И от него радостный прибегает:

– Всё, Владыка благословил.

Сам никогда ничего не решал – только «до Владыченьки». До того любил Владыку – это я не могу даже выразить...

Конечно, Владыка – святой человек. Он и мою маму благословил на монашество – ни слова не спросил. Сначала хотел меня к себе в Тбилиси взять – монахам там дом купить. А потом посидел, подумал и говорит:

– А у тебя мамочка...

А мне очень хотелось к ним туда из Гудауты переехать в Тбилиси. И я сразу ему:

– Владыка Святый, а у меня пять сестер. Она может возле них.

– Нет-нет, только ты ее должна доходить. Вот благословлю отца Виталия или отца Рафаила (Карелина), они ей постриг сделают.

Хоть бы он спросил: «Кто она, как, что?» Он всё знал – какую она жизнь прожила. Вот тут я сказала себе: «Владыка – святой».

В Гудауту о. Виталий тоже приезжал. А иногда письма писал. Помню, были у меня какие-то скорби, и он мне тогда написал: «Читай каждый день Параклисис – канон Матери Божией "Многими содержим напастьми"» – и твои все скорби пройдут. Неожиданно это мне прислал... я не спрашивала, не писала – он сам написал.

А когда первый раз о. Виталий приехал в Гудауту, ко мне сразу пришла Мария – она жила у нас в Гудауте и была очень близка к о. Виталию. Прибегает ко мне:

– Приехал сейчас о. Виталий и сказал, что Владыка благословил никого не оповещать об этом приезде, но вас с сестрой позвать.

И она нас повела. Там мы вместе сидели, беседовали. Правда, он всё больше сестре говорил, видать, она нуждалась...

А потом он еще приезжал к нам, у Ларисы Георгиевны останавливался – она врач была. Он часто туда приезжал, и мне сообщали, я туда ходила. Он ездил к ней и к Марии нашей.

Лариса Георгиевна грузинка была, врач. Замуж хотела, а о. Виталий ей не благословлял. Но она против пошла, вышла замуж – и ведь уже в годах была. Потом разошлись они, каялась уж она, бедная, что не послушалась. Потом ее со временем постригли в монашество. Сейчас умерла уже, монахиня Серафима.

Помню, как-то раз сидели мы у Ларисы Георгиевны, беседовали. Был май месяц. Вдруг Батюшка говорит:

– Сейчас пойдем на море.

А я смутилась и говорю:

– Батюшка! Да там же сейчас голые все, как же мы туда пойдем? – притом это ж был центр: Лариса Георгиевна в центре прямо около моря жила.

А он подумал, помолился, а потом:

– Матушка! Какие голые? Никаких голых нет – все ангелы Божии!

И вот собираемся – нас тогда было человек 5-6 – и пошли, и Батюшка с нами. Мы не купались, а просто сидели, беседовали. Смотрели на море. И никого там почему-то рядом не оказалось из отдыхающих. Помню, он нам тогда сказал:

– А вы знаете: море-то это святое! В нем можно окунаться – исцелиться. Сколько источников святых с гор сходит – освящают море. И еще там – мощи святых мучеников находятся, монахов новоафонских, которых в 30-е годы утопили на барже. Существует предание, что они – нетленные, их рыбы даже не поели... Придет время – их мощи откроются...

Сколько всего интересного и назидательного говорил о. Виталий!.. Только сейчас многое, к сожалению, забылось.

Помню, о. Виталий любил повторять:

– Ой, все Ангелы Божии – все спасутся!.. Один я – негодник!..

И так это запомнилось! «Все Ангелы Божии – все спасутся!..» И как я поняла: «А ты, окаянная, СЛЕДИ ЗА СОБОЙ».

Помогает этот «рецепт». Бывает, будто камень на душе лежит – настолько тяжело иногда видеть несправедливость, беззаконие. А как скажешь так – сразу легко на душе становится...

Благослови Вас Богомладенец Господь и Богоматерь Своими Святыми Десницами, утешая, милуя, питая, подавая здравие души и телу, украшая добродетелями, ведя ко спасению, подавая великое терпение, быстрое прощение и покаяние. Не надо унывать, предаваться тоске, слабодушию. Господь близ и поможет. Просите, ищите, толцыте – и милостью Богомладенца всё со временем обретете.

Из писем схиархимандрита Виталия

ИИСУСОВА МОЛИТВА КАК ПОКАЯННОЕ ДЕЛАНИЕ

Часть 1

Состоялась у меня как-то раз беседа с одним человеком – священнослужителем усердным и ревностным. Жалуется:

– Сколько лет я занимаюсь Иисусовой молитвой и никакого преуспеяния в ней не вижу. Может, мне оставить это делание, а заниматься больше добрыми делами? Например, издательской деятельностью или чем-нибудь другим душеспасительным? Потому что в делании молитвы никакого толку не видно...

Откровенно говоря, услышать такое из уст уважаемого священника для меня было полной неожиданностью. Говорю:

– Странное дело. Ведь молитва – это общение нашей души с Богом. А в Евангелии Господь нам сказал, что «*без Мене не можете творити ничесоже*», и «*не может розга творити плода, если не будет на лозе, так и вы, аще во Мне не пребудете*». Следовательно, для того чтобы делать добрые дела – чтобы они были по-настоящему добрыми – нам необходимо пребывать с Богом...

Вот так, совершенно неожиданно, мы с собеседником оказались перед главнейшим вопросом христианской жизни, и наша беседа потекла в русле рассуждений: как же нам подобает жить и действовать, чтобы пребывать в Боге?

В Священном Писании сказано: «*Пребываяй в любви – в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает*». А в чем выражается любовь? В исполнении заповедей Божиих и в обращении ума нашего к Богу. Ведь кого мы любим, о том и думаем. Потому вот эта обращенность ума к Богу и есть залог и начало нашего духовного преуспеяния.

Для нашего правильного взаимоотношения с Богом мы имеем наглядный пример отношений детей к своим родителям. Как дети обращаются к ним во всех своих радостях и неудачах, так и нам подобает обращаться к Богу во всех обстоятельствах. А обращение это должно быть не только просительным. Благоразумнее будет, если мы будем обращаться к Нему в чувстве сердечной благодарности о Его богатых милостях, в чувстве благоговения пред величием Его любви и премудрости, с осознанием Его отеческого попечения о нас грешных, неблагодарных, небрегущих о познании и исполнении Его святой воли. Ведь такое наше неблагоразумие, проявляющееся в невнимании и неблагодарности, подвигает Бога попускать нам скорби, болезни, неприятности – как и родителям приходится зачастую воспитывать своих неблагоразумных детей. И только в постигающих нас скорбях мы вспоминаем о Боге как Помощнике и Покровителе, Враче и Отце, и начинаем обращаться к Нему с прошениями – обращаться в покаянии, выражением которого и является Иисусова молитва. Не будь этих скорбей, мы бы так и остались в скотоподобном состоянии – удалились от Источника Жизни, совершенно забыв о Нем.

Если у нас не получается держать непрестанно Иисусову молитву, то в таком случае мы, вынуждаемые обстоятельствами нашей жизни, должны обращаться ко Господу хотя бы краткой, но частой и внимательной молитвой-прошением. Ведь каждый благоразумный ребенок-школьник, когда ему трудно решить какую-то школьную задачу, обращается к родителям с просьбой помочь ему, а самонадеянный или совсем не решает ее, или делает ошибки. Подобным образом и наша жизнь каждый день и каждый час заставляет нас решать различные задачи и проблемы. И если мы не будем обращаться за помощью к Отцу нашему Небесному, то от наших самонадеянности и лености будем страдать сами и все, кто вокруг нас.

Рассмотрев подробно этот вопрос, мы пришли к такому выводу:

– Дорогой батюшка, – сказал я, – если Вы думаете заняться издательской деятельностью – это же очень серьёзно. Поэтому Ваше дело должно быть неразрывно сопряже-

но с молитвой. И такой теплой, чтобы чувствовать внутреннюю прилепленность к Богу. То есть душа должна ощущать, что она помолилась Господу в каком-то конкретном затруднении (а этих смущений, искушений и затруднений при любом виде деятельности будет великое множество) – и такая молитва, даже и кратковременная, но искренняя, будет привлекать Божественную помощь, и тогда Вы с пользой для себя и для других сможете заниматься избранной Вами издательской деятельностью.

Ведь молитва это не какое-то отвлеченное желательное, но не обязательное делание, а это «сердце» нашей христианской жизни, это дыхание нашей души и условие творения добрых дел. Без молитвы не ждать нам успеха ни в чем. Ведь всякое доброе дело должно начинаться, сопровождаться и оканчиваться молитвой. А с издательской деятельностью – особо. Ведь поскольку изданные книги вступают в силу и действие на людей после окончания дела издания, то все издатели должны молиться во всю свою жизнь примерно так: «Господи, пошли благодать Духа Твоего Святаго на всех читающих изданные мною книги, исправь мои ошибки[1], даруй всем по коегождо потребе (душеполезные познания), и имиже веси судьбами устрой их спасение».

Молитву – как время молитвенного стояния с четками – сократить можно, но молитву как обращенность ума к Богу оставить при любых занятиях НЕЛЬЗЯ.

После состоявшейся беседы я сделал для себя неожиданный вывод – в чем заключается основная причина бедственного состояния сегодняшних христиан. К сожалению, сегодня утрачено правильное понимание сути молитвы. А ведь именно от этого неправильного понимания происходит оставление молитвы, забвение о Боге и удаление от Него. Увы, как часто сегодняшние христиане, думая, что к высокому молитвенному подвигу они не способны («мол, какие уж из нас молитвенники!..»), кое-как вычитав утреннее и вечернее правило, на этом успокаиваются. И то драгоценное время, которое

подобало бы проводить в искренней, сердечной молитве Богу о всём случающемся с нами и нашими близкими, погубляют просмотром «видиков» и телепередач...

А к чему ведет забвение о Боге и удаление от Него, понять нетрудно. Как следствие, умножаются бедствия – как в частной христианской жизни, так и в жизни всего общества в целом.

Вот насколько важна в деле спасения внутренняя «установка» на молитву. Именно от этой исходной точки осмысления «для чего нам нужна молитва» зависит и успех молитвы, и ее плоды. Да и вообще вся дальнейшая христианская жизнь.

Если присмотреться внимательней, то можно увидеть, что вступить в спасительное Богообщение мешают нам не только страсти и бесы, но и множество душевредных внутренних «установок» (т.е. усвоенных неправильных помыслов и пониманий).

Одна из них – неверное понимание святоотеческого определения молитвы как «художественного делания». Такие образы встречаются у преподобного Никифора Монашествующего и других святых отцов. Но сегодня это понятие вызывает ассоциации вовсе не такие, как у христиан прежних веков.

Мы не раз уже приходили к выводу, что каждое время характерно какими-то своими особенностями в понимании христианского благочестия. И вот **в сегодняшнее время отношение к молитве как к какому-то «искусству» в большинстве случаев НЕПРИЕМЛЕМО**.

Когда мы читаем книги о молитве – «Добротолюбие» и другую святоотеческую литературу, где часто встречаются понятия: «искусство молитвы», «художество», то под впечатлением неподходящих ассоциаций в нас формируется неправильное отношение к молитве. И это незаметно входит в подсознание и делается неправильной внутренней «установкой». И в результате мы начинаем относиться к молитве как к какому-то особому, возвышенному мастерству – желательному, но не обязательному. И уж отнюдь не как к покаянному молитвенному плачу, не как к необходимому дыханию своей души.

А отсюда – и скорбные последствия. Люди с таким отношением к молитве через какое-то время, почувствовав безуспешность в этом «искусстве», говорят с разочарованием: «Сколько времени занимаюсь молитвой, и ничего не получается... может, и не стоит более заниматься этим деланием, тратить на него время, а вложить силы во что-то другое – в более простое, но эффективное занятие?..»

Это неправильное понимание выражения «художество молитвы» заметил еще в XIX веке святитель Феофан Затворник. И когда переводил «Добротолюбие» на русский язык, то конкретизацию этого «художества» (типа «сесть на низкую скамью, закрыть глаза» и т.д.) он вовсе счел полезным опустить. Конечно, такое опущение в переводе было вызвано серьезными причинами – неправильным пониманием читающими смысла слов «искусство» и «художество» при возделывании Иисусовой молитвы.

---

[1] Ошибки бывают весьма многообразны, и не только у тех, кто издает свой авторский текст, но и у тех, кто занимается переизданием. К примеру, уже несколько раз бездумно переиздавалась брошюра «Лекарство от греха», в которой, между прочим, перечисляют и то, что не является грехом: «брала напрокат, крестилась взрослой без воспреемников, вешала иконку на гвоздь» и подобные «оцеживания комара». Потому нужно испрашивать молитвой, чтобы Господь Своей благодатью подал благие душеполезные помыслы и понимания – дабы не навредить ни своей душе, ни душам читателей *(прим. автора)*.

Да, это факт жизни: время действует на формирование ассоциаций и представлений... И при внимательном изучении нетрудно будет заметить двойственное понимание рассматриваемых нами понятий.

Например, что раньше обозначало слово «художник»? По мнению специалистов, «слово **художник** заимствовано из старославянского языка. Оно является суффиксальным производным от *хждогъ*, что значит «опытный, искусный»...» Значит, «художество молитвы» вполне можно понимать как «опыт молитвы». Именно это и имели в виду как святые отцы-писатели, так и их переводчики былых времен. Но это ведь вовсе неравнозначно «художественному творчеству» в современном восприятии, тем более с дополнительным смыслом: «высокая степень мастерства» – что ассоциируется у современного человека с проникновением в некую «тайну», скрытую от «простых смертных»...[2]

«Опыт молитвы» предполагает некую цельность христианских понятий о молитве. Он находится в русле **основы христианской жизни**. А «художество» и «искусство» (в современном понимании) оторваны от этой основы и предполагают поиск чего-то сакрального – чего, увы, и жаждет основная масса современных богоискателей (в особенности имевшая дело с оккультными течениями). Где уж им утруждать себя дознанием, **что** есть основа христианской жизни!.. Ведь даже многие современные монашествующие считают ее не заслуживающей внимания...

Наглядный пример такого искажения мы находим в житии старца Паисия Святогорца. Однажды старца посетил живший в пустыне пожилой монах...

«Он пришел удостовериться в том, что рассказывали о старце, – повествует жизнеописатель. – Задавая старцу вопросы, монах пытался понять, в каком духовном состоянии тот находится. Старец рассказывал: «Три часа подряд он читал мне лекцию по теории Иисусовой молитвы. Он начитался книг об умном делании. То есть всё, что было написано об умном делании, он прочёл. Он говорил: "Если молящийся приходит в такое-то состояние, то с ним происходит то-то, а если он приходит в такое-то состояние, то его осеняет то-то... А ты в каком состоянии находишься?"

– В каком ещё, – говорю, – состоянии? Ни в каком состоянии я не нахожусь.

– А что ты тогда здесь делаешь?

– Что я здесь делаю? Я прошу Бога, чтобы Он дал мне познать самого себя. Если я познаю самого себя, то буду иметь покаяние. Если ко мне придёт покаяние, то придет и смирение, а за ними – придет благодать. Поэтому я и прошу: покаяния, покаяния, покаяния. После этого Бог посылает Свою благодать».

Вот именно этим трудом **покаяния** каждый из нас и должен заниматься.

А покаяние выражается через молитву и деятельное удаление от всякого греха. Так что фактически Иисусова молитва, особенно сегодня – при общем оскудении благочестия – это мысленный покаянный плач сердца с просьбой о помиловании, о помощи и вразумлении, об укрощении праведного гнева Божия, о ниспослании Божественного укрепления в борьбе с грехом, а не какое-то оторванное от жизни «высокое искусство» достижения святости в короткий срок.

---

[2] **Искусство:** 1) художественное творчество в целом — литература, архитектура, скульптура, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, музыка, танец, театр, кино и другие разновидности человеческой деятельности, объединяемые в качестве художественно-образных форм освоения мира. В истории эстетики сущность искусства истолковывалась как подражание (мимезис), чувственное выражение сверхчувственного и т. п. 2) В узком смысле — изобразительное искусство. 3) Высокая степень умения, мастерства в любой сфере деятельности. *(Российский энциклопедический словарь).*

Духовное преуспеяние есть там, где есть большое смирение

– Геронда, почему один человек может измениться за месяц, а другой подвизается годы и не преуспевает?

– А вы как считаете? Почему так происходит?

– Помысел мне говорит, что если человек смирится и будет призывать милость Божию, то Бог ему помогает и он преуспевает.

– Так и есть. Необходимо смирение. Духовное преуспеяние есть там, где есть большое смирение.

Нашедшие путь смиренномудрия, преуспевают в духовной жизни быстро, последовательно и без труда. Мы ещё не поняли, что такое смирение, эта великая сила! От него зависит всё преуспеяние. Чем больше человек смиряется, тем большую благодать приобретает от Бога и тем больше преуспевает. Сколько силы в смирении, и люди ей не пользуются!

– Геронда, может быть так, что человек, чтобы стяжать смирение, будет всё время себя смирять и в конце концов впадёт в отчаяние?

– Нет, потому что настоящее смирение приносит надежду, а не отчаяние. Отчаяние приносит эгоизм, потому что эгоист надеется на себя, а смиренный на милость Божию. В сокрушении смирения постепенно возрастает духовный человек. Вся жизнь человека становится великим и любочестным подвигом, но он всегда идёт вперёд с великой надеждой на Бога, разочарованный в себе, в хорошем смысле, то есть разочарованный в своём «я».

– А человек, который не находится в добром духовном расположении, может надеяться на милость Божию?

– А откуда человек может знать, что он находится в добром духовном расположении? Человек только одно может знать – что он не имеет хорошего духовного расположения. Даже если имеет, не видит, потому что и тогда видит только свою греховность. Потому что тот, кто подвизается ради духовного преуспеяния, никогда не видит своего преуспеяния, видит только собственные падения.

Старец Паисий Святогорец.
«Слова», т. V, «Страсти и добродетели»

История Иоанно-Казанского Сезеновского монастыря

Часть 5

После смерти игумении Серафимы, не имея назначенной ею самой преемницы, сестры обители выбрали настоятельницей монахиню Паисию, бывшую десять лет казначеей при покойной игумении. При ней монастырь стал еще более многочисленным. Для продолжения монастырского строительства игумения посылала насельниц со сборными книгами в различные города России. На собранные средства в монастыре были выстроены амбары, заложен новый корпус для сестер, поновлялось внутреннее убранство церквей.

В 1886 году указом Тамбовской духовной консистории исправлять должность настоятельницы была определена монахиня Антония (в миру Евдокия Тимофеевна Чеплыгина), ранее исправлявшая должность казначеи. Монахиня Антония происходила из семьи раненбургского купца Тимофея Чеплыгина, поступила в монастырь в 1860 году в 18-летнем возрасте и в 1884 году пострижена в монашество. В феврале 1887 г. новая настоятельница возведена в сан игумении Сезеновского женского монастыря. Помощь в управлении обителью ей оказывали казначея монахиня Авраамия и благочинная монахиня Аркадия. Игумения Антония уделяла много внимания монастырскому хозяйству: ее попечением был устроен пруд для стирки белья, устроены крупорушка и просорушка. Как и ее предшественницы, игумения Антония испытывала нужду в средствах для содержания монастыря, поэтому она ходатайствовала перед епархиальным начальством о разрешении устройства киота с иконой и установления кружки для пожертвований на железнодорожной станции «Лебедянь». Вместо этого консисторией была выдана книга для сбора пожертвований в пользу Сезеновского монастыря.

С 1904 года обителью управляла игумения Филарета (в миру Любовь Владимировна Хотяйнцева), которая происходила из дворянского сословия и обучалась в московском институте. Она поступила в монастырь в 1855 году в возрасте 28 лет, а в 1867 году была пострижена в монашество. С сентября 1889 г. монахиня Филарета исполняла должность казначеи Сухотинского Знаменского монастыря Тамбовского уезда. 5 июня 1904 года она была награждена наперсным крестом, а 8 июля возведена в сан игумении Сезеновского монастыря. Помощницами при ней остались казначея монахиня Паисия (в миру Надежда Феодоровна Кожевникова), происходившая из купцов г. Козлова, назначенная на эту должность в 1896 году, и благочинная монастыря монахиня Македония (в миру Матрона Михайловна Дымова), происходившая из государственных крестьян села Сурково Данковского уезда, назначенная на должность в 1901 г. В годы правления игумении Филареты число насельниц значительно увеличилось. Старейшие насельницы монастыря Великим постом 1904 года были пострижены в великую схиму.

Иоанно-Казанский Сезеновский монастырь. Литография конца XIX века.

Последней упоминаемой в архивных документах игумнией Сезеновского монастыря была Антония II. Именно на время ее управления монастырем выпали годы революции и гражданской войны.

Благословенными трудами этих управительниц Иоанно-Казанский Сезеновский монастырь к концу XIX — началу XX века приобрел завершенный вид. Расположенную на высоком берегу речки Сквирни, в местности, изобиловавшей многочисленными логами и оврагами, женскую обитель окружала основательная кирпичная ограда. Монастырские стены были аккуратно оштукатурены и побелены, украшены крепкими башенками, высокими въездными арками. Со стороны монастырских садов, от речки Сквирни на высокий холм к парадным Святым вратам вела широкая дорога, которая в праздничные дни посыпалась разноцветной глиной, в изобилии имеющейся в окрестностях и образовывавшей своего рода нарядную ковровую дорожку к Заступнице всех молящихся — Пречистой Богородице.

В центре монастыря возвышались три храма: в честь Казанской иконы Божией Матери, Рождества Христова и Святой Троицы. Храм Святой Троицы был пятикупольным, два других — однокупольными. Единство их стилистического решения придавало стройность и гармоничность всей композиции. Сочетание зеленого, золотого и белого цветов радовало взоры, вызывало благоговейный молитвенный настрой.

Внутреннее убранство всех монастырских храмов отличалось великолепием. Драгоценные ризы Казанского храма, живопись Рождественского и Троицкого храмов, не скрытая окладами, изысканная отделка мощевиков — все это производило сильное

впечатление на молящихся. Храмы соединял между собой подземный ход, выложенный сводами.

В нижнем храме Троицкой церкви с престолом во имя Рождества Богородицы, который в народе называли «пещеркой», были погребены основатели обители. Углубленный в землю по окна, этот храм был темен; в обычное время освещали его лишь три неугасимые лампады, теплившиеся над останками строителей обители.

По левую сторону алтаря покоился здесь блаженный затворник Иоанн, по правую было захоронение старицы Дарии, а у северной стены храма — игумении Серафимы. Все три захоронения были единообразно оформлены декоративными надгробиями, поверх которых были положены серебряные с позолотой изображения блаженных Сезеновских чудотворцев в полный рост. Согласно свидетельству о. Василия Княжинского, священника обители, серебрение металлических надгробий выполнялось в 1910 году. Кроме того, место упокоения блаженного Иоанна, как особо привлекающее богомольцев, ограждено было решеткой, а над ним устроен балдахин.

Неподалеку от церкви Св. Троицы стояла небольшая деревянная хижина — воспоминание о той самой бане, в которой когда-то жил затворник. В ней размещалось все, что осталось после смерти Иоанна: вериги, восемнадцатифунтовый посох, иконы, кастрюльки, ряса, туфли, четки, скуфья. Сюда эти вещи были перенесены из каменной келии затворника Иоанна, которая была частично разобрана при строительстве Троицкого храма. Все это хранилось с любовью и благоговением.

По свидетельствам очевидцев, монастырь был очень красив, утопал в цветах, поражал своим благолепием. Вокруг храмов симметричными рядами располагались келии, число которых постоянно увеличивалось: святое место притягивало к себе ищущих духовной чистоты. Жили монахини в келиях по три, четыре, а иногда и по пять человек. Аккуратные домики, с маленькими садиками и палисадниками были расположены кольцом около храма, вдоль стены. К ним вели выложенные кирпичом дорожки; дорожки же к храмам были усыпаны песком. Насельницы обители устраивали для себя келии на свой счет и по своему вкусу. Помимо келии в пределах монастырской ограды располагались трапезная, сиротский приют, иконописная мастерская, другие жилые и хозяйственные постройки.

По указу Святейшего Синода от 1853 года в монастыре положено было быть одной настоятельнице, одной

Одна из последних настоятельниц обители

казначее, двадцати монашествующим и двадцати послушницам. Налицо же всегда состояло гораздо больше. Так, в 1876 году монашествующих сестер числилось 55, рясофорных послушниц — 182, указных — 50. В 1911 году монашествующих — 158, рясофорных послушниц — 9, определенных в число сестер епархиальным начальством — 95, принятых на испытание в послушницы — 268.

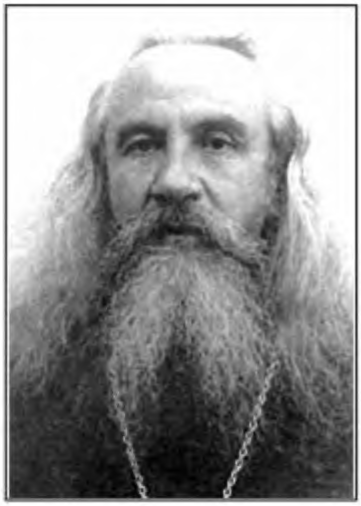
Согласно «Ведомостям о монашествующих Сезеновского монастыря», большинство насельниц происходило из крестьянских семей не только Лебедянского уезда, но и различных сел Тамбовской, Рязанской, Орловской, Воронежской губерний. Были в обители выходцы из мещанского и купеческого звания; поступали в Сезеновский монастырь и представительницы духовного и дворянского сословия. Как свидетельствует статистика, в среднем представительницы крестьянского сословия составляли 70-80% от числа насельниц, мещанского и купеческого — 15-20%, духовного звания — около 5%, дворянского сословия — 1-4%. Принимали в насельницы не только взрослых, но и малолетних, которые жили либо в келиях у своих родных, либо в доме игумении. Многим малоимущим оказывалась помощь через благодетелей монастыря, которые по просьбе игумении жертвовали нуждающимся материалом или деньгами.

За оградою монастыря были устроены две большие двухэтажные гостиницы для отдохновения богомольцев. За монастырской стеной находились и дома причта, большей частью деревянные, лишь один из них был выстроен из камня.

В монастырской ограде, у церкви, хоронили почивших насельниц обители, сельское же кладбище считалось общим, на нем впоследствии также был выделен отдельный участок для монахинь. У стен храма хоронили и благотворителей монастыря. Так, возле Казанского храма была могильная плита, под которой находился склеп княгини Юсуповой.

Божественные службы проходили в обители очень торжественно, в большие праздники здесь пели на два хора: женский и мужской (женский хор — монастырский, мужской — приходской), к поющим присоединялся и хор воспитанниц приюта. На Троицу совершали крестный ход от Сезеновского монастыря по многочисленным окрестным селениям, заходя в каждый дом со святыми иконами. Местные жители, встречая главную святыню монастыря — Казанскую икону Божией Матери, старались украсить свои жилища и дворы, пекли пироги, которые жертвовали в обитель. Широко распространившаяся слава блаженного затворника Иоанна собирала в обители и ее окрестностях толпы почитателей, благодарная память которых породила всенародный праздник — «Иваны», отмечавшийся два раза в год: 24 июня и 29 августа (7 июля и 11 сентября по н. ст.) — во дни праздников Рождества Иоанна Крестителя и Усекновения его честной главы.

По материалам книги «Сезеново и его подвижники». Тамбов, 2007.



СВЯЩЕННИК-ХИРУРГ

Жизнеописание иеросхимонаха Нектария (Овчинникова)

Часть 2

Старчество не является иерархической ступенью в Церкви, этот особый вид святости может быть присущ всякому. «Истинное старчество есть особое благодатное дарование – харизма, непосредственное водительство Духом Святым. ...Старец никогда никому не навязывается, подчинение ему всегда добровольно, но, найдя истинного, благодатного старца и подчинившись ему, ученик должен уже безпрекословно повиноваться во всем старцу, через последнего открывается непосредственно воля Божия»[1].

Безценный религиозно-духовный и нравственный опыт, который ко времени принятия священнического сана имел за своими плечами о. Николай Овчинников, вмещавший в себя, прежде всего, преемство традиций старчества Оптиной пустыни, колоссальную школу жизни в миру и практический опыт врача, и, наконец, личный опыт умносердечной молитвы и достижение безстрастия – всё это он мог передавать своим ученикам. В начале 60-х годов XX столетия отец Николай стал духовным пастырем для многих страждущих. В их числе – группа московских деятелей культуры. Их окормление началось с кинорежиссера Рениты Григорьевой, ныне председателя Елецкого землячества, лауреата Государственной премии СССР, а тогда молодого кинематографиста, активной общественницы. В 1964 году Р. А. Григорьева впервые приехала в Елец, чтобы побывать на родине своей матери Н. В. Поповой, а также, чтобы встретиться с известным хирургом Николаем Овчинниковым.

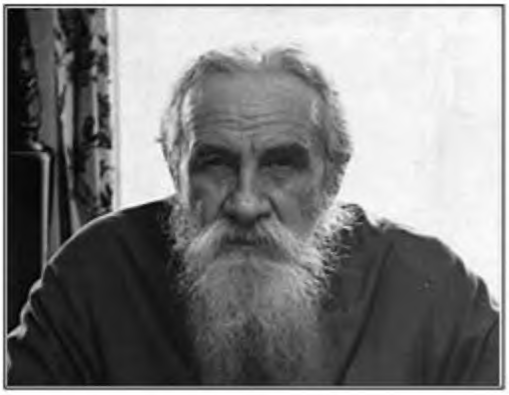
Ренита Андреевна вспоминает: «Я ожидала увидеть врача, а увидела священника. Это меня совершенно потрясло. Я с пафосом высказала ему все о дезертирах, поменявших белый халат помощи людям на черную рясу призрачного самоспасения». Беседа отца Николая и молодой активистки длилась долго и закончилась тем, что священник дал своей посетительнице Евангелие, которое она до этого не читала. Через некоторое время Ренита Григорьева вновь приехала к о. Николаю, а потом стала ездить постоянно. Через четыре года она крестилась, получив в святом крещении имя Маргарита, что значит «жемчужина». Отец Николай стал ее и крестным, и духовным отцом, более того, взял на послушание. Несколько лет Ренита (Маргарита) Григорьева ухаживала за убогими и престарелыми больными в елецком доме-приюте. Случалось, жила в Ельце, не выезжая, месяцами. Сейчас Ренита Андреевна с благодарностью говорит о том, что ее духовные поиски нашли поддержку и понимание у родных и близких. Духовным сыном о. Николая стал ее муж кинорежиссер Юрий Григорьев, который вместе с Р. А. Григорьевой впоследствии явился создателем кинофильмов «Мальчики» по роману Ф. Достоевского и «Говорит Москва» на тему о Великой Отечественной войне, съемки которых проходили в Ельце. И несмотря на то, что Ренита Григорьева буквально выключилась из той активной творческой и общественной жизни, в которой пребывала до этого времени в Москве, этот ее временный отрыв, пусть и не сразу, но был понят и принят ее матерью Ниной Васильевной.

Нина Васильевна Попова – видный советский и общественный деятель, лауреат международной премии «За укрепление мира между народами», организатор и председатель Комитета советских женщин и президиума Союза советских обществ дружбы

Ренита Андреевна Григорьева и Нина Васильевна Попова

[1] Концевич И. М. Из книги «Оптина пустынь и ее время».

и культурных связей с зарубежными странами, вице-президент Международной демократической федерации женщин родилась в Ельце. По линии матери в ее роду были люди духовного звания, а



именно: святитель Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический. С отцом Николаем у Н. В. Поповой установилась тесная связь. Вначале они переписывались, затем познакомились очно, и впоследствии Нина Васильевна, как было сказано выше, много помогала елецкому священнику и его духовным детям в осуществлении благих начинаний по возрождению русской культуры и Православия.

Отец Николай ценил то понимание и чуткость, с которыми Нина Васильевна отнеслась к неожиданному и почти невероятному в то время поступку своей дочери Рениты – принять крещение и поселиться на какое-то время в Ельце. Да что там чуткость – мужество потребовалось Нине Поповой, члену ЦК КПСС, депутату Верховного Совета СССР, чтобы с достоинством принять то, что свершилось! И она сделала это. Через несколько лет, как бы подытоживая пройденные вехи, отец Николай написал Н. В. Поповой в письме от 12 июля 1976 года: «Благодарю Вас за щедрое сердце Ваше, за ум и чуткость и труды Ваши в воспитании Риточки (производное от имени Маргарита, данном Рените Григорьевой в крещении – *прим. ред.*). Простите великодушно все огорчения Ваши, связанные с первоначальным непониманием пути, по которому пошла Рита – но, поверьте, услышать голос Божий и сделать усилие, чтобы пойти по указанному пути, оказать Ему послушание – наша задача. ...Многие обращаются к Богу от усталости, отчаяния и разочарования; многие – от безысходности, обид и страданий. И только единицы – от полноты и переизбытка жизни. Находясь на гребне жизненного благополучия, обладая цветущим здоровьем, вкусив подслащенный яд славы – повергнуть себя к стопам Господа, взять крест свой и следовать за Ним – поверьте, это величайшее чудо в наши дни и лучшее свидетельство бытия Божия».

Принять в свое сердце такую духовную дочь как Рената Григорьева, было для о. Николая промыслительно. Вслед за Григорьевой потянулись из Москвы ее друзья, многие из них крестились в Ельце. Отец Николай взял под свое духовное покровительство целую группу московских кинематографистов, ученых, писателей. Среди них – кинооператоры Валерий Квас и Олег Мартынов, профессор института мировой литературы РАН Алексей Макаров (один из составителей «Хроники жизни и творчества А. С. Пушкина»), режиссер-документалист Ролан Сергиенко, летчица прославленной эскадрильи имени М. Расковой – полковник в отставке Мария Орлова; ученый Кирилл Флоренский – сын известного богослова Павла Флоренского, ученый-эколог Фаддей Шипунов, врач-психиатр, принявший священный сан, о. Андрей Суховский и другие. Елец стал для них духовной родиной. Рената Григорьева вспоминает о тех благословенных днях и годах: «Отче превратил нас в духовную семью, узы которой были даже сильнее, чем кровные. Наша жизнь оказалась под руководством отца Николая, и это была настоящая, подлинная жизнь, которая возможна только тогда, когда у вас есть духовный авторитет. Отец Николай учил нас на практике, что Бог есть Любовь. Это было его "простое жизненное кредо". И без благословения нашего духовного отца мы не сняли ни один фильм, не написали ни одной строчки». Подобно своим духовным учителям – оптинскому иеросхимонаху Нектарию и даниловскому старцу Георгию – отец Николай питал души находившихся рядом с ним духовных чад, чтобы передать им и внушить безпредельную веру в светлое будущее России. Его вера в силы матери-Родины, в возрождение ее православного духа равнялись только его любви к Богу.

То, что было создано москвичами за годы окормления о. Николаем – вещи далеко не проходные и проникнуты идеей духовного преображения человечества. Это документальный фильм об ученом В. И. Вернадском, создателе науки о биосфере, художественные фильмы «Мальчики» по роману Ф. М. Достоевского, «Говорит Москва» на тему о Великой Отечественной войне, «Праздники дет-

ства» по рассказам В. М. Шукшина (режиссеры Р. и Ю. Григорьевы, операторы В. Квас и О. Мартынов), это исследовательские труды об А. С. Пушкине (А. С. Макаров), это экспедиция и научные исследования по Алтаю. Надо отметить, что приехать в Елец очень хотел сокурсник и друг Р. Григорьевой В. М. Шукшин, которому она

рассказала об этом городе и об отце Николае. Известный писатель и кинорежиссер все требовал от Р. Григорьевой «объяснить: как это можно поверить в Бога?! Со временем, перед самым уходом из жизни и к нему пришла эта вера!»[2]

Елец виделся отцу Николаю Овчинникову центром объединения лучших представителей культуры и Православия. В 1978 году, когда старец уже тяжело болел, к нему приехал писатель Валентин Распутин. Перед этим они целой группой вместе с кинорежиссерами Григорьевыми, кинооператором О. Мартыновым, экологами Ф. Шипуновым и В. Фроловым, писателем В. Крупиным побывали в Оптиной пустыни и на поле Куликовом. Увиденные там разрушения потрясли их воображение. Не верилось, что эти безценные памятники прошлого можно восстановить. «Казалось, – говорит Валентин Распутин, – что это уже поднять невозможно, что нельзя уже ничего возродить, нельзя вернуть назад, что это ушло безвозвратно и ушло насовсем»[3]. Но когда они, измученные дорогой, промокшие – в пути их застал проливной дождь – появились в Ельце в доме № 12 по улице Шевченко, отец Николай (уже принявший к тому времени монашеский постриг с именем Нектарий), встретил их радостными, жизнеутверждающими словами: «Воинство, воинство приехало! Вот то воинство, которое будет возвращать Святую Русь, вот то воинство, которое будет возвращать славу поля Куликова!» «Тогда это казалось просто словами, – вспоминает Валентин Григорьевич, – но сам вид отче, обыкновенные слова, сказанные каким-то удивительно искренним и добрым голосом, не могли не повлиять на нас...» Известный писатель опустился на колени перед старцем Нектарием. «Мало что помню из нашей беседы, – рассказывает он, – но помню только, что когда выходил оттуда, – э т о случилось. Случилось какое-то духовное преображение уже не мира, как на поле Куликовом, а мое духовное преображение, в которым я и потом пре-

Притч Вознесенского собора г. Ельца.
Первый слева — протоиерей Николай Овчинников

бывал с отче. Мы ночевали в Ельце, и утром еще встречались с ним. Уже тогда было ясно, что без крещения нельзя, и это крещение должно происходить здесь, в Ельце – городе, который обладал каким-то особым сиянием»...

Еще через два года В. Распутин и В. Крупин крестились в Ельце, став по благословению иеросхимонаха Нектария крестовыми братьями. За это время Валентин Распутин написал очерк «Святое поле», Владимир Крупин – публицистический труд «Вечное поле». Вместе с другими духовными детьми елецкого старца известные русские писатели способствовали совершению событий, знаменательных для России и всего православного мира. В 1980 году состоялось празднование 600-летнего юбилея Куликовской битвы под знаком преподобного Сергия Радонежского. Впервые в нашей стране заговорили, в том числе на официальном уровне, о духовном, религиозном значении исторического события. Тогда же был восстановлен храм, построенный на Куликовом поле в память о битве.

«Совершились и продолжают совершаться великие дела, – писал отец Николай Валентину Распутину в период подготовки к юбилейным празднествам. – Из века в век рождались на Руси воины духа, и до наших дней тянется плеяда славных воинов культуры. Родились носители духа и проявили величайший героизм. Война 1941-45 годов показала, в чем сила великая страны нашей. Страшнейшее сражение выиграло русское воинство, одержав великую победу и освободив народы всего мира от фашизма. Теперь нужно победить в битве духовной. Это труднее, но это будет не только победа нашего народа, этого ждет весь мир. Шлю вам свое благословение на труды ваши по подготовке Куликовского юбилея. Не могу не сказать, что на поле Куликовом билась против полчищ Мамая и елецкая дружина во главе с князем Феодором, и в память о воинах на поле брани, за Отечество головы свои сложивших, рядом с собором была возведена часовня в виде воинского шлема. Да пребудет над вами покров Матери Божией, как пребывал он над воинами над полем Куликовым. Верю в молитвенную помощь вам преподобного Сергия. Шлю тебе мое старческое благословение».

Эти строки елецкий священник писал, когда был уже тяжело болен и прикован к постели.

Летом 1976 года во время ранней литургии в Вознесенском соборе на День Святой Троицы отец Николай почувствовал себя плохо. Но ему хотелось довести службу до конца и благословить прихожан крестом. В этот день исполнилось ровно двадцать лет, как отец Николай принял священнический сан. Слабеющей рукой с помощью диакона батюшка держал крест, пока к нему не приложились все присутствующие в храме. Придя домой, отец Николай потерял сознание. У него произошло кровоизлияние в ствол мозга с параличом обеих рук и ног, дыхательного центра и слепотой. «В практике медицины это

---

[2] Суховский Андрей, священник. «Духовные встречи». Александровский вестник, 1997, № 25.

[3] Распутин Валентин, писатель. «Слово об отче». К столетнему юбилею иеросхимонаха Нектария (отца Николая Овчинникова). Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения иеросхимонаха Нектария (Овчинникова).

всегда приводит к быстрой смерти. Но на следующий день отче пришел в себя, и в этот, Духов день, был совершен постриг его в монахи, причем он внятно произносил необходимые слова»[4].

После пострига отец Николай стал иеромонахом Нектарием. Иеромонах Нектарий с трудом мог разговаривать, у него сохранился слух, но в последующие дни он слабел все больше и больше. Началось воспаление легких. Для жизни иссякли все возможности, он был готов и жаждал смерти, которая то подступала к нему, то отходила. Проститься к нему приходило и приезжало множество народу. Вместе с родственниками у постели иеромонаха Нектария безотрывно находились его духовные дети, прибывшие из Москвы. Народ в Ельце и за его пределами не переставал молиться о нем. 20 июня на день Всех святых во время Литургии, когда началась молитва, весь собор как один человек опустился на колени: «И о здравии тяжко болящего иеромонаха Нектария...» И произошло невероятное. Созванный через месяц профессорский консилиум специалистов из разных городов пришел к заключению: «Так как нервная и вегетативная системы выведены из строя, а мы не можем верить в чудо, то остается признать, что существует третья, неизвестная нам нервная система, и она вступила в действие»[5].

Иеромонах Нектарий прожил еще почти девять лет – немощный, слепой, с потерей голоса. Боль и страдания он переносил и испытывал неимоверные.

Однажды один из его духовных сыновей был свидетелем того, как отче жалостливо говорил святителю Николаю Мирликийскому, когда в день праздника старых именин к нему должны были прийти певчие, а его сводили страшные судороги. «Что же ты, святитель милостивый, меня срамишь! – вопрошал о. Нектарий. – Где же твое милосердие! Чем я встречу тех, кто придет ко мне? Как Иов на гноище!» И Николай Милостивый помог ему, боль в тот миг отступила. В другой раз по лицу отче ползала муха, причиняя ему большие страдания из-за повышенной чувствительности его кожи, «а он ничего не мог сделать, ни смахнуть ее, ни позвать на помощь»[6].

За семейным столом...

Но всё это видели только самые близкие люди. Когда к нему приходили за духовной поддержкой и утешением, а особенно приезжали издалека, о. Нектарий находил в себе силы поддержать и утешить каждого страждущего. Он дал распоряжение домашним, чтобы к нему пропускали всех, кто нуждался в общении с ним. И это – несмотря на предписания врачей беречь силы, не напрягать голосовые связки. Он продолжал помогать окружающим: раздавал все имеющиеся у него деньги, делал наказы позаботиться о больных и немощных, благословлял на добрые дела. «Лишенный зрения, способности двигаться, с трудом говорящий, он поражал силой своего духа и всепроникающей силой своего духовного зрения, – вспоминает писатель Владимир Крупин. – Не диво ли – не он нам, а мы ему жаловались на свои горести!»

Несмотря на мучительные страдания, иеромонах Нектарий оставался человеком, наполненным духовной радостью и ликованием, особенно при важных беседах, когда надо было кого-то поддержать, дать совет. Когда боль отступала, он просил своих духовных чад почитать тот или иной отрывок из любимого им Ф. М. Достоевского. «Порой это было для отче лучше всяких лекарств, – рассказывает Ренита Григорьева. – Однажды он попросил меня почитать ему Кану Галилейскую. Я открыла книгу: «...Алеша не остановился и на крылечке, но быстро сошел вниз. Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним, широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе... Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. ...О чем плакал он? ...Как будто нити ото всех этих безчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасаясь миром иным». Простить хотелось ему всех и за всё и просить прощения. О, не себе, а за всех, за всё и за вся, а «за меня и другие просят», – прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга»[7]. После чтения мы услышали, как отче прошептал: «И будет, и будет! И встанете вы, воинство духовное, и засветите новый день на Руси». И добавил: «Родные мои, помните: христианство – это религия радости, религия радости».

---

[4] Суховский Андрей, священник. Духовные встречи. Александровский вестник, № 26. 1997.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Достоевский Ф. М. «Братья Карамазовы». Часть третья. Книга седьмая. IV. Кана Галилейская.

Удивительно, но вокруг больного старца продолжала царить атмосфера радости. «Даже в самые страшные дни, – вспоминает Р. Григорьева, – бывали моменты, когда вместе с отче мы смеялись до слез. И он говорил нам тогда, что Господь не осудит нас за этот смех».

Еще через два года иеромонах Нектарий принял схиму с тем же именем. Он лежал больной, недвижимый, слепой, но при этом работал. И все вокруг него тоже работали. «Иеросхимонах Нектарий остался жить, чтобы укрепить своих духовных чад в вере, передать им свой духовный опыт, последовательно направить их деятельность и вместе с ними принять участие в духовном пробуждении России», – утверждает ученый-литературовед Алексей Макаров.

Старец Нектарий говорил своим духовным детям, что пришло время «возрождать сияние Оптиной пустыни».

По его благословению писатель Валентин Распутин, обычно сторонившийся общественной работы, принял активное участие в восстановлении святой обители.

Уже после кончины своего духовного отца он стал членом президентского Совета при М. Горбачеве и немало способствовал передаче Оптиной пустыни Русской Православной Церкви. В. Распутин помнит и другой завет, данный ему отче: написать о Прохоровском поле, на котором, как и на двух других – Куликовом и Бородинском – русский народ отстоял свое отечество. «Вот я опять поехал на Прохоровское поле, – рассказывает Валентин Григорьевич. – Побывал на братских могилах, где похоронены тысячи людей, услышал звон колоколов звонницы, и все как-то по-другому представилось, как будто я был участником этой битвы. И думаю, что теперь мне будет легче браться за такую работу».

Отец Нектарий многое прозревал своим внутренним духовным видением.

Однажды он сказал о. Андрею Суховскому, в котором до посвящения в сан уже видел священника, что будет совершать вместе с ним богослужение на Алтае. Но духовные дети старца восприняли сказанное им как предчувствие своего скорого исцеления и возможной поездки на Алтай. Тогда в далеком горно-алтайском поселке Усть-Кокса, куда был направлен о. Андрей, не было даже храма. Когда через несколько лет храм возвели, то богослужение в нем начали, помянув иеросхимонаха Нектария (Овчинникова). А над входом в храм в числе других икон установили икону Елецкой Божией Матери. Таким образом, сбылось предсказание елецкого старца.

Иеросхимонах Нектарий в тяжелой болезни

За время болезни о. Нектарий сильно похудел, очертания его лица истончились – облик делался все более неземным. Тихо и незаметно переходил он в жизнь иную. Духовные дети старца, предчувствуя скорую разлуку, говорили о. Нектарию, что не представляют своей жизни без него. А он отвечал, что они не расстаются. «Я ухожу, но буду очень близко, – говорил отче. – Гораздо ближе, чем теперь – всё зависит только от вас». А когда надо было решить вопрос о передаче духовного руководства, то иеросхимонах Нектарий оставил своим духовным чадам молитву: *«Господи! Дай мне силу любить Тебя всем сердцем, всей душой, всем разумом, всем существом своим. Пусть никто, ничто, нигде и никогда не отнимет у меня любви к Тебе. Ты соединил нас на земле, да не разлучи нас и в мире загробном, в вечном и славном Царствии Твоем».*

«Когда мне необходима духовная поддержка о. Нектария, – говорит духовная дочь старца Ренита Григорьева, – я читаю эту молитву и чувствую, что отче рядом со мной». Вслед за ней повторяет и Владимир Крупин: «Не было случая, чтобы молитва о. Нектария, к которой мы прибегаем в самые трудные минуты своей жизни, нам не помогла».

Скончался иеросхимонах Нектарий 1 марта 1985 года. Похоронили его на елецком городском кладбище неподалеку от могилы архимандрита Исаакия (Виноградова). Жизнь старцев, их деяния, их заветы являются частью истории г. Ельца, его православной культуры. И архимандрит Исаакий (Виноградов), и иеросхимонах Нектарий (Овчинников) были и остаются путеводными звездами для многих и многих православных христиан, устремленных на поиск пути духовного совершенствования человечества.

* * *

Еще при жизни отца Нектария по его благословению в Ельце начало создаваться Елецкое землячество – неформальная общественная организация, объединившая людей, живших за пределами Ельца, но для которых этот город стал их духовной родиной.

Землячеству, организатором и руководителем которого является духовная дочь иеросхимонаха Нектария московский кинорежиссер Ренита Григорьева, уже более 25 лет! С каждым годом оно пополняется новыми представителями не только отечественной, но и зарубежной культуры из разных стран: из Индии, Сербии, Словакии, из Соединенных Штатов Америки. Ельцом был покорен сербский поэт Зоран Костич, член Союза писателей Сербии. Здесь в 1993 году он обвенчался с русской актрисой Еленой Трепетовой. Членами Елецкого землячества являются также ученый из Словакии Алена Адамкова, ученый-педагог из Гондураса Феруфино Консепсьон (в крещении Сергий), американская писательница Нэнси Сейфер. Они, а также другие представители нового поколения членов Елец-

кого землячества знают иеросхимонаха Нектария только по рассказам о нем его духовных детей, но все считают и себя его духовными учениками. Некоторые из них приняли православную веру и крестились в Ельце. При активном участии членов Елецкого землячества – духовных учеников старца Нектария – город Елец продолжает находиться в эпицентре событий не только общероссийского, но и мирового значения.

В год 2000-летия от Рождества Христова в Ельце на доме, где жила семья иеросхимонаха Нектария, расположенном по улице Шевченко (рядом с Введенской церковью), по решению городских властей была установлена мемориальная доска с надписью: «**Здесь жил с 1958 по 1985 годы священник Вознесенского собора схииеромонах Нектарий, в миру Николай Александрович Овчинников, выдающийся хирург**».

До сих пор в этом доме бережно сохраняется все так, как было при жизни старца. Следит за порядком духовная дочь иеросхимонаха Нектария Вера Павловна Королева, которая многие годы была помощницей елецкого подвижника, ухаживала за ним, когда он оказался прикованным к постели. В доме продолжают собираться для духовного общения дети и ученики иеросхимонаха Нектария.

«И сегодня он с нами, – говорит о своем духовном отце – елецком старце иеросхимонахе Нектарии писатель Владимир Крупин, – ибо оставил нас на Бога, любить Которого он учил всей своей жизнью, на совесть, которую он воспитал в нас, на завещанные им труды, на чаяние встречи в вечном и славном Царствие Божием».

Рядом с иеросхимонахом Нектарием покоятся останки его верной спутницы по жизни схимонахини Мариамны – Марии Алексеевны Овчинниковой.

По материалам книги А. Н. Доценко «Святые лики над Ельцом».

Слово архимандрита Исаакия (Виноградова) в день 70- летнего юбилея протоиерея Николая Овчинникова

Досточтимый и дорогой наш о. протоиерей Николай!

«Приспе день светлаго торжества: град Барский радуется, и с ним вселенная вся ликовствует», совершая празднество перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в град Бари.

Ликовствует сугубо, и даже трижды в сей день и наш собор Вознесенский, справляя престольный праздник нашего Никольского придела, где мы сейчас и молимся, отмечая день Вашего Ангела, и к сему присовокупляя и знаменательный день Вашего рождения и 70-летия.

Со всем этим мы Вас вседушевно поздравляем и всякого добра от Господа желаем по молитвам святого апостола любви Иоанна Богослова, вчера, в день светлой памяти благословившего Ваше «явление из небытия в бытие», и святителя Николая чудотворца, давшего Вам свое имя при св. крещении.

Бог от начала мира благословил в нем красоту и богатство разнообразия, давая впоследствии и людям своим различные, а отнюдь не однообразные способности и таланты, которыми и служит человек Богу и ближним своим.

Так в служении священника может быть отмечено - или ударение на особое призвание его как молитвенника, усердного предстоятеля у Божия престола и совершителя Св. Таин Божиих. Отсюда и его наименование – иерей, что и значит – священник. Или же он отличается умением хорошо устраивать административно и хозяйственно жизнь своего прихода – и тогда ему так идет наименование пресвитера, т.е. старейшины, руководителя своей общины. Иного же может сильно увлекать область учительства – проповеди вечно живущего слова Божия, с приложением к сему своих природных или путем упражнения достигнутых способностей ораторских и педагогических...

В идеале же, конечно, должно быть достигнуто сочетание в одном лице и того, и другого, и третьего. Однако, естественно, по-человечески, что какая-то одна область действия бывает особо по сердцу данному человеку и как бы берет в нем верх над другими.

И есть, наконец, и такое призвание у служителя престола Божия, это – старчество, т.е. работа отдельно над человеческими душами, отдельно же и вверившимися своему руководителю-старцу...

Многое пережитое в Вашей жизни и горькие немощи к тому же ускорили Ваше «старение». Но вот теперь, вчера – Вы достигли неоспоримого «псаломского» возраста старости: «*Дние лет наших, в них же семьдесят лет, аще же в силах, осемьдесят лет, и множае их труд и болезнь*» (Пс. 89)... Священное, прекрасное число 70! Благословенная старость, застающая Вас в высочайшем служении Богу и людям!

Да благословит Господь служение Ваше у Его престола; да дарует силы к устроению общего доброго порядка в нашей церковной жизни.

Да умудрит Вас – как врача по образованию и призванию – целить с полным знанием своего дела и души человеческие.

Да вдохновит в благом деле церковного проповедничества, и да привлечет к Вам сердца ищущих у Вас старческого совета и руководства. Недаром же Вы были близки и к последнему в наши дни представителю оптинских старцев, недавно скончавшему свои дни в далекой Караганде. Мы же все эти свои благие пожелания влагаем ныне в свои молитвенные воздыхания о Вас, и единодушно желаем продолжения доброго и Богу угодного Вашего жития – на многая лета!

22/V . 1973. Город Елец, Вознесенский собор.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Пустыня. Суровая египетская пустыня, как безбрежный океан, не имела предела. Волнистый песок — рядом, по сторонам, вдали, насколько охватывал глаз, — рассыпан, словно мощной рукой, по всем безпредельным далям пустыни... Днем, когда на небе сияло огромное красное солнце, раскаленный этот песок жег огнем ноги и даже все тело путника. А когда неожиданно налетал «сирокко» и вся пустыня превращалась в бушующий котел огня, пыли и песка, путнику совсем становилось не по себе. Идти не только трудно и душно от бушующего вихря, но и крайне опасно, чтобы совсем не потерять путь-дорожку, которая пролегает то совсем незаметной тропиночкой среди больших плоских песчаных гор пустыни, то расширяется снова в широкую каменистую ленту, утоптанную веками. И вот там, где раскаленный песок сметался с дороги силой ветра, видны были высушенные зноем и обожженные лучами солнца кости — человеческие и кости животных: верблюдов, лошадей. Жертвы пустыни... Сколько тут их погибло, бедных путников, странников, одиноких или группами попавших в смертельные объятия грозной бури безбрежной пустыни?..

Пустыня... Сколько буйный твой ветер заглушил предсмертных воплей людей о помощи? Сколько огненный песок твой похоронил под собой несчастных...

Кроме жгучего солнца и буйного ветра, пустыня знаменита и лютыми разбойниками, которые, как ураганный ветер, налетают из-за сопок или гор на путников. И как они жестоки, жадны и немилосердны! На своих быстрых конях они неожиданно наскакивают на караваны, грабят, убивают, мучают и через десять-пятнадцать минут так же неожиданно исчезают, как и появились, оставив на пустынной дороге окровавленные трупы людей, животных, разбросанное там и тут ненужное им добро.

А еще в пустыне есть лютые звери и ядовитые гады, которые из-под куста или из-под тлеющей кости, камня уязвляют путников и наносят им смертельные раны.

О, как ты опасна, пустыня! Сколько таишь ты в себе страшных опасностей и смертей! И только святые подвижники-пустынники не боялись тебя. Они жили в пустынях десятилетиями, перенося добровольно голод, жажду, опасности. Они жили в этой страшной пустыне, охраняемые и ведомые Господом, жили, очищались и... спасались.

Вечереет. Тишина. Пустыня засыпает. Будто хочет забыться в прохладной ласке ночи. Солнце давно скрыло свои лучи за горизонтом.

Неожиданно совсем, кажется, невысоко в небе засияла звезда. Да такая светлая, яркая, необыкновенная, точно живая. Осиявши своим дивным мягким светом окрестность, она плавно двинулась на запад. Одновременно с этим за песчаными барханами, там, где прячется дорога, раздались громкие крики людей. То были крики не брани и погони, а крики радости и необъяснимого восторга...

Караван?! Да, это шел большой и богатый караван. Он шел с востока на запад. Шел из далекой Персиды в Иудейскую страну. Три знаменитых мудреца (волхва) возглавляли этот караван. Они вот уже как несколько месяцев идут по пустыне с навьюченными верблюдами, рабами, проводниками.

Но что они так взволнованы, что так радостно выкрикивают люди, показывая руками на небо? Звезда, таинственная Звезда ведет их в Иудейскую землю. Она каждый вечер с наступлением темноты появляется на небе и показывает им путь, куда идти.

Это путеводная Звезда. Звезда Богомладенца Христа. Она ведет богатых мудрецов Персиды, чтобы поклониться рожденному в вертепе Богу. Впервые они увидели эту новую звезду в глубоком небе у себя на родине, в Персии. Будучи учеными и мудрыми, они тогда сразу поняли, что родился Великий Царь в Иудее, родился Тот, Который принесет всем людям мир и истинное счастье. Взяв с собой драгоценные дары новорожденному Царю и собрав большой караван, они вот уже

несколько дней движутся к цели. Свое путешествие они предпочитают совершать ночью и в тихой прохладе утра. И вот всегда с вечера, как только вновь появлялась на небе таинственная Звезда, они встречали ее восторгами радости и, ведомые Ею, спешили в Иерусалим. Только старейший мудрец Мельхиор всегда оставался молчаливым. С той священной минуты, когда он первый в тот тихий вечерний час встретился с этой звездой один на один, он стал совсем задумчивым, углубленным. И когда вновь появлялась на темном вечернем небе Звезда, он, как и в первый раз, вздрагивал всем телом. Его безцветные старческие уста тихо шептали не то молитву, не то благословение небу. Чаще всего он тихо произносил: «О Ты, Владыка, Царь мира и добра, милостиво благоволи мне только увидеть Тебя и потом спокойно умереть». При этом слезы умиления текли по его впалым щекам. Понукая своего чистокровного персидского коня идти вперед и вперед, он время от времени поднимал свой благоговейный взор на Звезду, и слова трепетной молитвы и благодарения невольно лились из старческих уст, вызывая из очей обильные слезы. «Это Его Звезда, — думал про себя старый волхв. — Она путеводит нас к Нему. Сколько веков измученное грехом человечество ждало Его пришествия. И вот Он пришел, и Звезда Его сияет пред моим взором. Как стремится душа моя к Тебе, как она горит огнем нежности и любви... Как я вижу Тебя, в каких чертогах и дворцах Твое место... Какие знатные и славные люди теперь окружают Твою богатую колыбель, выражая Тебе наперебой покорность и почтение...»

Вдруг рядом со старым волхвом раздался крик радости: «Город, город Иерусалим!» Мельхиор вздрогнул, поднял глаза, белый, как птица, увешанный золотой упряжью конь его остановился, как вкопанный. Ехавшие рядом два других мудреца, Каспар и Валтасар, также остановили своих коней.

Вдали чрез синеву пустыни виднелся Священный город Иерусалим. Он так был красив и величествен, что мудрецов из далекой Персиды объяли трепет и таинственный страх. Весь караван замер. Были слышны только дыхание коней и биение своего сердца.

«Так вот в каком величественном граде изволил родиться Он, — тихо сказал Мельхиор, — воистину, по красоте и величию нет ему подобного во всем мире».

Но в Иерусалиме, как гром, поразило волхвов известие: никто совершенно не знал о родившемся новом Царе мира. Все были крайне удивлены прибытием в Иерусалим из далекой Персии таких богатых и ученых людей. Даже сам царь Ирод был в тревожном недоумении. Чтобы внести ясность в это странное событие, он немедленно собрал иудейских книжников и от них узнал точно, что по священным книгам новому Царю должно родиться не в Иерусалиме, как это думали персидские мудрецы, а в городе Вифлееме.

Призвав тайно волхвов, Ирод просил их узнать точное место рождения Младенца-Царя и на обратном пути сказать ему об этом. Коварный и хитрый властелин намеревался убить новорожденного Царя мира, видя в Нем конкурента на свой царский престол.

Но трудно было скрыть эти коварные замыслы Ирода от мудрого Мельхиора. Он читал мысли этой коварной «лисицы», и ему, мудрому и честному иностранцу, больно было видеть жестокость и преступность души Ирода, готового уже поднять свою кровавую руку на невинного Младенца, Которого Мельхиор, еще не видя, полюбил всей душой.

«Вы хотите почтить Его своим присутствием?» — сказал Мельхиор Ироду на прощанье. «Да, — ответил вкрадчиво Ирод, — я эту мечту вынашиваю много лет». Но Мельхиор не мог не заметить, как глаза иудейского царя при этих словах сверкнули злобным огнем ненависти и мщения. «Да воздаст тебе небо за все это», — сказал мудрец Ироду и немедленно вышел из его царских палат. Сев на своего белого коня, Мельхиор в сопровождении своих друзей-волхвов двинулся во главе каравана по дороге к Вифлеему.

«Благословен Бог Израилев, пославший славу Сыну Своему», — громко воскликнула молодая иудеянка, смотря с крыши своего дома на богатый персидский караван. Мельхиор услышал эти восторженные слова простой иудейской женщины, и ему стало легче на душе. Он понял, что простой народ с любовью и нетерпением ждет нового Владыку и полностью разделяет с ним (Мельхиором) его чаяния и надежды.

От Ирода посланный проводник помог каравану выбраться из Иерусалима на Вифлеемскую дорогу. И когда последние домики Иерусалима с плоскими крышами остались позади, начало темнеть.

Мельхиор ныне был особенно задумчив. Он не спускал своих глаз с темнеющего неба. Вдруг он вздрогнул и облегченно вздохнул. По каравану пролетел тихий шелест слов...

На темноватом небе, несколько впереди каравана, сияла Звезда. На этот раз она казалась еще ярче, чем прежде. И какое-то нежно-мягкое сияние (чего не было раньше) окружало ее. Все знали, что Звезда явилась в последний раз. Последняя ночь разделяет их от Вифлеема. И потому каждый из спутников не мог наглядеться на эту таинственную Звезду, которая так много темных ночей освещала им трудный и опасный путь.

Среди каравана стояла тишина. Все готовились к чему-то великому и необыкновенному. Каждый думал про себя. Приближалась цель долгого путешествия. Наступал самый великий момент в их жизни.

«Кто Он, этот Рожденный? — думал каждый из мудрецов. — Если уж само небо почтило Его такой светлой Звездой, то какая слава, наверное, окружает Его на земле? Каким должен быть великий град Вифлеем, где изволил ОН родиться? Какие чертоги-дворцы вместили Его... Какие славные и знатные люди окружают Его колыбель... Какое богатство, роскошь, величие... И что Ему наши персидские дары...»

В напряженном, томительном ожидании проходила короткая палестинская ночь. И когда в тихом сиянии утренней зари волхвы впервые увидели вдали маленький горо-

док Вифлеем, они заволновались и усомнились.

«Неужели коварный Ирод направил нас по ложному пути. Но ведь Звезда...» «Да, Звезда, кажется, спускается все ниже и ниже», — заметил один из волхвов. «Смотрите, — воскликнул в отчаянии самый юный из волхвов Каспар, — она остановилась над кровлей одного из самых низеньких домов Вифлеема! Как все это понимать, почтенный?!» — обратился он с отчаянием в голосе к Мельхиору. Старый мудрец весь ушел в себя. В эту ночь он пережил больше, чем за всю свою долгую жизнь. Он догадывался своим проницательным умом, что здесь творится какая-то великая тайна. Что-то делается новое и небывалое, но сугубо великое и мудрое. А когда он вместо славного и знаменитого города увидел маленькое бедное местечко — Вифлеем, Мельхиору все стало ясно.

Утирая непрошеные старческие слезы, Мельхиор, не узнавая своего голоса, тихо, но твердо сказал своему молодому другу: «Сын мой, отныне навсегда разбито в прах земное величие... Он родился в убожестве и нищете...»

Наступило долгое молчание. Все напряженно смотрели на Звезду. А Она, как бы играя нежными тонами своих лучей, звала, манила к себе далеких путников, которые были поражены нищетой и убожеством Родившегося. Только старый Мельхиор глубже всех проникал в эту тайну снисхождения Божия и, поражаясь смирением неба, плакал...

Когда караван подошел к небольшой лачуге, то все заметили, как сияние Звезды становится все слабее и слабее. И, наконец, она как бы растворилась в утреннем палестинском рассвете...

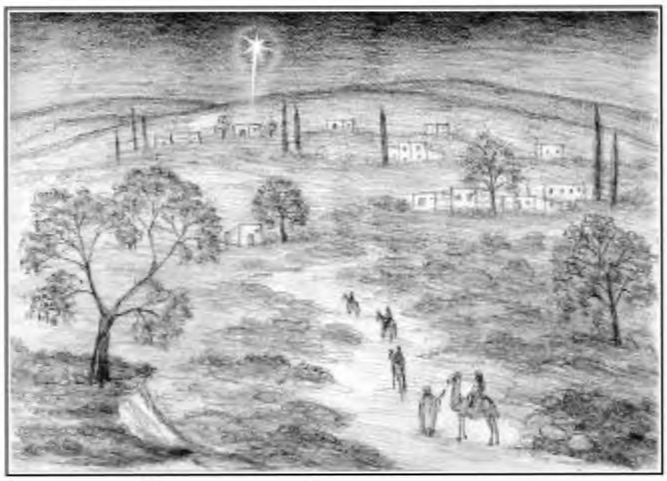
Вошедши в дом, волхвы увидели молодую Женщину, одетую в простую иудейскую одежду. На Своих руках Она держала Младенца... Почтенный старец был подле них. Вокруг все было бедно, скромно и просто. Но что это за трепет овладевает душой мудрецов из Персиды?.. Какой-то священный страх заставляет склониться ниц пред этими простыми людьми.

Первым тихо и благоговейно приблизился Мельхиор. Он, не колеблясь, склонился пред Младенцем-Богом и, открыв драгоценный ларец, принес Ему в дар дорогое персидское золото. Другие два волхва сделали то же: один принес в дар ливан, другой — смирну. При этом молодая Женщина и старец выразили свое крайнее удивление и вместе благодарность за все это. Волхвы рассказывали, как их привела сюда Звезда из далекой Персидской страны. Мариам подняла свой взор к небу и тихо сказала: «Да благословит вас Бог Израилев и Сын Его, ныне родившийся на спасение всех народов». Волхвы пали на землю. Им показалось, что они видят несказанной красоты Царицу, на руках Которой, как на Престоле, восседает дивный Младенец, в глубоких очах Которого сила, величие и любовь...

Когда волхвы возвращались обратно, только другим путем, в свою Персиду, каждый из них был глубоко задумчив и молчалив.

«Сын мой, — наконец сказал Мельхиор, обращаясь к своему юному другу Каспару, — где твои слова и робкие речи? Зачем ты до сих пор хранишь молчание?»

Молодой волхв поднял на старого мудреца свои большие черные красивые глаза, в которых сияли слезы, и тихо, как бы смущаясь, сказал: «Отец мой, истинная, высокая радость не знает слов. У нее есть только молчание и... святое созерцание...»



«Отныне навсегда разбито в прах земное величие... Он родился в убожестве и нищете...»

Дорогие и милые мои братья и сестры! Пред нами тоже лежит суровая, труднопроходимая пустыня мира. Пред нашими глазами тоже бушуют ураганы страстей и непрестанной мирской суеты, которая всасывается во все споры нашей жизни. Над нами также почти всегда горит солнце знойных пороков, иссушающих наши бедные души. И злые привычки-разбойники: гнев, раздражение, буйство; и такие язвящие ядовитые змеи: тщеславие, лжесмирение, яд клеветы и прочее, прочее. Сколько опасностей, искушений, падений — и перечесть невозможно. И как только бедная душа сможет преодолеть все эти «огненные испытания», чтобы не погибнуть и не лечь костями жертв при дороге, как и многие другие! Труден наш путь. Далека наша дорога. А идти надо, непременно надо. Там, в Вифлееме, рождается Христос, возлюбленный Господь наш, Богомладенец, Царь славы. Убогие ясли — Его колыбель; грубая солома — постель и покрывало; холодный вертеп — Его чертоги. Темная зимняя ночь — дворец и палаты.

Да, мои дорогие и милые. Скоро светлый и тихий праздник Рождества Христова. Но перед нами лежит пустыня — поприще святого поста и

молитвы. Лежат труды и борения подвига во имя очищения грешной нашей души. Какой нелегкий путь для наших слабых и немощных сил! Кто нам поможет, кто осветит путь, куда идти? Вместо светлой цели — духовного Вифлеема — не попасть бы нам в руки коварных и злых разбойников-демонов... А как счастливы были волхвы: им показывала дорогу путеводная Звезда. Она и довела их до спасительных яслей Христовых. А кто же нам, мои дорогие, осветит этот темный и далекий путь?! Тем более, что мы так часто бываем в жизни совсем одиноки и безпомощны.

Вот тихая и кроткая девичья душа. Она так мало еще живет на свете, а уже сиротка, не имеет ни отца, ни милой любимой мамочки. А душа ее такая чуткая, нежная, она рвется ко Христу, к Его смиренным яслям. Кто ее, бедную и одинокую, проведет по знойной и опасной пустыне? Ведь сама-то она так еще молода, так неопытна!..

А вот этот юноша уже повидал жизнь. Ужасная война отняла у него лучшие телесные силы. А юношеские страсти и обманчивая прелесть пороков (война духовная) похитила силы душевные. У него на свете одна старенькая мать. Лучшая подруга жизни, невеста, изменила ему, видя его все время больным и слабым. Но душа его рвется к Тому, Кто никого и никогда не отвергает. Кто всех жалеет и всех призывает. Душа его исстрадавшаяся рвется к яслям Христовым. Но кто его доведет? Кто покажет ему дорогу? Кто осветит и прогонит туман жизни, который густой стеной стоит на пути?!

А вот это уже старушка. Жизнь взяла у нее все родное и дорогое. Сколько слез она пролила за эти долгие годы? Сколько горя перенесла? Она уже и согнулась, и побелела, и так трудно ей становится дышать... И вот она тянется к последней отраде. Она тихо плетется ко Христу. Она знает, что у Его святых яслей и ей будет место. И только там она найдет себе истинный покой и радость. Но кто ей поможет идти? Ведь дорога-то какая дальняя. Пустыня жизни, кажется, не имеет конца?!

Все мы, дорогие мои отцы, братья, сестры, чада мои милые, — путники. Все мы нуждаемся в **путеводной Звезде,** которая бы довела, показала нам путь к святому Вифлеему. Которая бы осветила дорогу, буйную и знойную. И этой путеводной Звездой является для нас **святая Любовь.** Разве не она зовет девушку ко Христу и Его святым яслям? Разве не она будит в душе юноши самые лучшие и светлые чувства? Разве не она воодушевляет угасающие силы больной старушки, воздвигая в ней надежду на преодоление новых трудностей пути? Разве не эта святая любовь горит, хотя и еле заметным пламенем, в грешной, охладевшей от суеты и страстей душе твоей, духовное чадо мое?!

Любовь ко Христу, то угасая, то вновь вспыхивая в грешных наших душах — это **путеводная Звезда,** неуклонно ведущая нас по знойной, а то и буйной, опасной пустыне жизни. Эта святая Любовь ко Христу, Спасителю нашему, живет в наших сердцах еще с младенческих лет, когда мы с вами, мои дорогие и милые, в невинные детские годы так любили этот святой праздник Рождества Христова. Сколько волнующих дум родилось в нашей детской душе! Сколько дивных, святых картин предстоящего праздника рисовало нам наше детское воображение! И святые убогие ясли, а в них лежащий Младенец-Христос, и светлое воинство ангелов, окружающее убогий вертеп Богочеловека; и ликующие сонмы небожителей, поющих дивные гимны в небесной высоте; и Пречистую Деву Богородицу, устало, но нежно и любовно склонившуюся над яслями; и кротких животных, согревающих своим дыханием хлад сырого вертепа; и тихую Рождественскую морозную ночь, в глубине неба которой горят миллионы светил небесных; и маленькую домашнюю елку, на которой так много горит свечей и развешаны светлые игрушки... Сколько радости, сколько детского невинного восторга всегда несла с собой эта дивная, святая, Рождественская, таинственная ночь!..

Вот еще с ранних детских пор и живет в наших душах святая, неугасимая любовь ко Христу Господу, Спасителю нашему. Только вот зной жизни и вихри страстей выветрили из наших сердец эту любовь святую. Развеяли ее по ветру и полю. Разбросали это драгоценное сокровище по распутьям и дорогам, по которым мы влачили свое земное странствие.

О мои дорогие братья, сестры и чада милые. Как нам надо теперь стараться, чтобы сохранить хоть остаток этого священного огня — любви, так нужного нам на нашем пути. Ведь только любовь и больше ничто не в силах усовершенствовать наше благополучное течение жизни. Она поистине Звезда путеводная, сияющая не только в небесной высоте, но и в глубине нашего сердца. Она не только доведет нас до яслей Христовых, но и подскажет, какие дары принести Богомладенцу Христу. Ведь не с пустыми же руками и сердцем грязным приступим мы ко Христу, смирившемуся нас ради до убогого вертепа и скотских яслей! Надо что-либо принести в дар от чистого сердца и любящей души. Вот смиренные пастухи принесли Ему покаяние. Волхвы — злато, ливан и смирну. Небо — Звезду, земля — Пречистую Деву, Вифлеем — ясли. А мы что принесем? Ведь мы тоже горячо любим Господа, и каждый любит по-своему. Но любим и любим Его, может быть, больше всего на свете. Любим, любим и хотим еще больше любить...

Вот ты, детка Божия, привыкла очень много и много говорить. И подчас говоришь то, что и не помнишь, или потом уж опомнишься. А ты вот этим Рождественским постом постарайся говорить меньше и даже очень мало. Ради Христа, Родившегося в яслях убогих, прошу тебя, говори меньше, а то временами и совсем молчи. Этим ты принесешь **дар молчания Христу.**

А ты вот, лентяюшка, очень уж любишь поспать. Тебя хоть хлебом не корми, только бы поспать тебе побольше. Да столько спишь, что за это время четверо, а то и пятеро могут выспаться, а ты, красавица, одна все время дрыхнешь. Да еще когда тебя будить будут добрые люди, ты очень недовольна бываешь. Бурчишь что-то такое. А потом

повернешься на другой бок, да еще насколько уснешь. Ради лежащего в яслях на грубой соломе Богомладенца Христа Бога нашего, прошу тебя, спи поменьше, спи столько, сколько положено здоровому организму (6-7 часов в сутки). И этим воздержанием ты принесешь Господу **дар бодрствования.**

А вот тебя, горькая пташка, уж очень борют нечистые помыслы, и ты им так уступаешь, что оскверняешь ими и свои чувства, и сердце. А ведь сердце твое — живой алтарь или духовный вертеп, где должен возродиться Христос. И эти скверные и блудные чувства сделали то, что твое девичье юное сердце стало не светлым вертепом Христовым, а темным вертепом гнусных разбойников. И как с такой нечистотой приблизиться к яслям Пречистого Христа? Ну как?! Ведь огонь стыда опалит тебя. Ангел смерти поразит тебя за дерзость такую. Вот ты плачешь, кусаешь свои губы, готова рвать волосы на себе. Умоляю тебя, мое бедное дитя, не отчаивайся, еще есть время. Вифлеем еще далеко. Пока идешь, собирай свой ум, закрой окна своих чувств: зрения, слуха, вкуса, осязания, обоняния. Обуздай свое чрево. Усиль молитву к Деве Пречистой и старцу Иосифу, отверзи источники слез. И демон блуда и всякой мерзости убежит от тебя. И ты принесешь милому Богомладенцу Христу **дар целомудрия и чистоты.**

А ты вот, моя почтенная, ходишь, как гордая Павлина. И походка-то твоя выдает тебя, и нос-то ты задираешь. Да и речь-то твоя, точно матроны римской. Даже малая твоя молитва, пост, поклоны и все твое добро пропитано гордостью, точно мед дегтем. Спрашиваю тебя: как можно приблизиться к смиренным яслям Христовым с такой бесовской и богомерзкой гордыней?! Именем великого смирения Христова, покайся, смирись. Дабы **путеводная Звезда** (любовь) еще воссияла тебе на пути. И тогда, приблизившись трепетно и робко к яслям, ты принесешь Ему драгоценный **дар смирения...**

И так вот каждый из нас может и должен, идя ко Христовым яслям, принести Господу-Христу посильный свой дар. Такой, какой он сможет — хоть самый маленький, но по любви и от чистого, трудового сердца.

Рассказывают, как восьмилетняя Ревекка, дочь бедного пастуха, узнала от отца, что Христос родился на соломе и что Ему очень и очень холодно. Тогда она ночью, украдкой от родителей, убежала в вертеп и принесла Спасителю свое единственное маленькое одеяльце, которым сама укрывалась. «Ему будет теплее», — сказала она. А сама осталась без одеяла.

О святая любовь! Ты — наша путеводная Звезда. Веди же нас чрез пустыни, горы и стремнины. Веди к яслям Христовым. Веди, не угасая, чтобы нам, грешным, не усомниться, как Каспар при виде добровольной нищеты Христовой. Дабы и нам отныне возыметь понятие, что земное величие всегда кроется в нищете и смирении. Чтобы нам возлюбить нищету Христову и возлюбить Самого Господа сильнее смерти. А еще, святая любовь, научи нас принести возлюбленному нашему Христу и Спасителю чистые дары. Тогда и для нас праздник святого тихого Рождества будет светлым, веселым, радостным, будет таким, каким мы его знали в нашем раннем, невинном детстве.

Архимандрит Тихон (Агриков).
«ПРОБУЖДЕНИЕ»

НИКОЛА ЗИМНИЙ

АРХИМАНДРИТ ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)

Заключенного Павла Груздева повезли на Урал 4 декабря 1941 года – он запомнил, что был праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Полмесяца ехали они в вагоне – битком набито арестантов-то, не прилечь, ехали сидя, да такие голодные, что, по словам отца Павла, и по нужде-то не ходили – а с чего ходить? «А приехали – мне больно запомнилось, – рассказывал отец Павел, – выгрузили нас – то был день Николая-чудотворца, Николы зимнего. У-у... Вятлаг! Ворота сумасшедшие, проволокой все кругом оцеплено... Когда пригоняют в лагерь, то делят по категориям:

– Специальность?

– Поп.

– Монахи, попы – в сторону, воры – сюда. Всех разделяют».

Первым делом повели вновь прибывших в баню, одежду на пропарку отдали. Да слава Богу, вшей ни у кого не было. В бане дали по два ковшика воды помыться – ковшик холодной и ковшик теплой. Так полковшика теплого все сразу и выпили. И чуть ли не в первый день накинулись на «новеньких» уголовники. Урки в лагерях были как бы «внутрилагерной полицией»,

им не воспрещалось никакое битье, никакие издевательства над осужденными по 58-й статье – наоборот, их поощряли и натравливали на 58-ю, воры и бандиты занимали все «командные высоты» в лагере. Урки могли проиграть в карты не только твою одежду, но и твою жизнь – а жизнь зека ничего не стоила, как говорили в лагере: «Бырк – и готов».

Отец Павел сам не очень-то любил разговоры на эту тему, но старые его лагерные знакомые или из родных кто-то рассказывал, что в зоне уголовники отобрали у него валенки. Привязали его босого к дереву и оставили так стоять – думали, может, волки разорвут, а может, сам умрет. Конец декабря, стужа лютая. А он протаял пятками до самой земли – а снег глубокий – и на земле стоял. И говорят, что с тех пор отец Павел перестал бояться холода. Что правда, то правда – босиком ходил по снегу в 30-градусный мороз у себя в Верхне-Никульском.

Эх, Никола-чудотворец, Никола зимний! Не тебе ли, святой угодник Божий, любимец народный, отзывчивый на всякое горе, молился заключенный Павел Груздев, стоя по колено в уральском снегу?..

...«В самый канун Рождества, – вспоминал батюшка, – обращаюсь к начальнику и говорю: «Гражданин начальник, благословите в самый день Рождества Христова мне не работать, за это я в другой день три нормы дам. Ведь человек я верующий, христианин».

– Ладно, – отвечает, – благословлю.

Позвал еще одного охранника, такого, как сам, а может, и больше себя. Уж били они меня, родные мои, так, не знаю, сколько я за бараком на земле лежал. Пришел в себя, как-то, как-то ползком добрался до двери, а там уж мне свои помогли и уложили на нары. После того неделю или две лежал в бараке и кровью кашлял.

Приходит начальник на следующий день в барак: «Не подох еще?»

С трудом рот-то открыл: «Нет, – говорю, – еще живой, гражданин начальник».

«Погоди, – отвечает. – Подохнешь».

Было это как раз в день Рождества Христова».

Не по молитвам ли святителя Николая, рождественского чудотворца, однажды случилось с Павлом Груздевым настоящее чудо? Это было в первую суровую лагерную зиму 1941-42 года. Уголовники лишили его обеда – единственного пайка в тот день: «Только, – говорит, – баланды получил, несу – подножку подставили, упал. А под веничком был у меня спрятан кусочек хлебца – маленький такой, с пол-ладони – столько давали хлебца в день. Украли его! А есть хочется! Что же делать? Пошел в лес – был у меня пропуск, как у безконвойного – а снегу по колено. Может, думаю, каких ягод в лесу найду, рябины или еще чего. И смотрю – поляна. Снега нет, ни одной снежинки. И стоят белые грибы рядами. Развел костер, грибы на палку сырую нанизал, обжаривал и ел, и наелся».

АРХИМАНДРИТ ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)
«РОДНЫЕ МОИ»

РОЖДЕСТВО

Земля в ту ночь была почти мертва:
Безчувственна, сонлива, холодна.
Когда настало время Рождества,
Все двери были наглухо закрыты.
И только ясли, пастухи, пещера...
Как символ безприютной нищеты.

Всем обездоленным являя милость,
Бог Сам — отверженный пришелец на земле.
Ничтожны для Него богатство и порфира.
Он воплотился, чтоб призвать к Себе,
Избавив от лукавой власти мира,
Всех, кто готов принять Его Благую весть.

Свет Воскресения — за непомерной скорбью...
Убогость... И сияющая радость Рождества...
Во всем глубокий смысл. Все призвано открыть,
Что Бог и люди — в таинстве родства;
Христом небесное с земным соединить,
И падший мир восстановить любовью.

Вершина жизни, полнота ее — любовь:
Марии — жертвенность и поклонение волхвов,
Ребенка беззащитного спасенье,
Пролитая за правду собственная кровь...
Любая жертва — до самозабвенья.
И высшая из жертв — голгофский Крест Христов.

Маргарита С., г. Задонск